

НОВЫЙ ФОРМАТ СТРАХА!

УЖАСТИКИ ОСОБО ОПАСНЫ

ЯЩЕР СТРАНЫ ОЗ

Р. Л. СТАЙН

«ФРОСТ & СЛИНК»

Annotation

В семье Кейт Липтон всегда были популярны необычные идеи. Отец Кейт убежден, что им необходимо заняться разведением... ящериц. Кто же не любит ящериц? Вся семья отправляется в Австралию на поиски самых необычных и редких видов. Домой они возвращаются с таинственным яйцом. Кейт не может дождаться, когда ящерица вылупится из яйца. Ждать приходится целую вечность! Но когда она наконец вылупляется, начинают происходить странные вещи. Кейт не может не замечать... некоторых изменений в доме. Удастся ли Кейт и ее родным спастись от Ящера страны Оз?

- [Р. Л. СТАЙН](#)

-

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)

- [17](#)

- [18](#)

- [19](#)

- [20](#)

- [21](#)

- [22](#)

- [23](#)

- [24](#)

- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)

Р. Л. СТАЙН

Ящер страны Оз

Здравствуйте, меня зовут Р. Л. Стайн. Вижу, вы нашли офис Ужастиков.

Позвольте задать вам вопрос. Вы когда-нибудь видели настоящую яму зыбучего песка?

А знаете что? Вы прямо сейчас в ней стоите!

Вы внезапно почувствовали, что тонете?

Слышали когда-нибудь старое выражение «пан или пропал»? Думаю, с вами вот-вот случится и то, и другое!

Ха-ха. Не волнуйтесь. Я возьму верёвку и вызволю вас. Сразу после того, как пообедаю.

Эй, никуда не уходите, хорошо?

Я шучу. Ну-ка. Давайте помогу. Заходите в мой офис.

Вижу, вам нравятся плакаты «ОСОБО ОПАСНЫХ». На них изображены самые жуткие, злоещие, страшные персонажи Ужастиков всех времён. Это ОСОБО ОПАСНЫЕ персонажи ОСОБО ОПАСНЫХ книг.

На этом плакате, что вы рассматриваете, изображён очень уродливый приятель, австралийский ящер. Мы называем его «Ящер страны Оз».

Один укус этой зубастой рептилии может навсегда изменить вашу жизнь. Что и случилось с Кейт Липтон. Однажды она подошла слишком близко, и...

Впрочем, Кейт расскажет вам, что может сделать один укус ящера. Как только вы прочтёте её историю, вы поймёте, почему Ящер страны Оз ОСОБО ОПАСЕН.

Меня зовут Кейт Липтон, и я лишь хочу сказать, что у меня сумасшедшие родители. Мне двенадцать, моему брату Фредди десять, и у меня такое чувство, что я в этой семье единственная взрослая.

Что я имею в виду? Ну, я даже и не знаю, с чего начать.

Наверно, я начну с фермы «Погладь Миниатюрную Лошадку». Это была недавняя замечательная идея наших родителей. И под «замечательной» я имею в виду дурацкую.

Они оба ходили на нормальную работу. Мама была учительницей в Начальной Школе Гудина на другом конце города. А папа был бухгалтером в сети аптек здесь, в Мидл Виллидж, в Пенсильвании.

Но они решили, что их работа скучная. Они насобирали денег. И однажды поделились своим грандиозным планом со мной и Фредди.

Мы вчетвером сидели за обеденным столом. Мы уже поужинали и доедали десерт — замороженный йогурт.

— Мы увольняемся с работы, — сказал папа.

Фредди прыснул йогуртом на стол.

— Вы... что?

Фредди думает, что он комик. Он считает, что прыснуть водой или молоком — очень забавно, и это делает его человеческим гейзером.

Не знаю, почему мама с папой с этим мирятся. Ну, вообще-то знаю. Они сумасшедшие.

— И что вы теперь собираетесь делать? — спросила я. Я одна здесь в здравом уме, помните?

— Мы купили двенадцать миниатюрных лошадок, — сказал папа. Мама одобрительно улыбнулась. — Мы будем продавать миниатюрных лошадок. Разводить их и продавать.

— Разве это не весело? — добавила мама.

— Весело? — сказала я.

— Мы заработаем кучу денег, — сказал папа. — Они настоящие очаровашки. Увидев такую лошадку, никто не сможет устоять.

— А где они будут жить? — спросил Фредди. — Можно мне одну в комнату?

— Мы купили для них ферму, — ответила мама.

Мы с Фредди затаили дыхание.

— То есть, мы переезжаем?

Мама покачала головой:

— Нет. Мы остаёмся в доме. Ферму мы купили для лошадей. Подождите, пока не увидите. Вы поймёте, как это будет весело.

— Каждый внесёт свой вклад и будет за ними ухаживать, — сказал папа.

— То есть нам придётся за ними прибираться? — спросила я.

Мама бросила на меня свой Недовольный Взгляд.

— Кейт, почему ты всегда так негативно настроена?

Потому что я не сумасшедшая?

— Ты в них влюбишься. Обещаю, — сказал папа.

Ну... Нам с Фредди нравились маленькие лошадки. Они милые, и очень добрые, и смешные.

Но мама с папой не смогли продать ни одной. Через три месяца у них всё ещё было двенадцать миниатюрных лошадок.

Мидл Виллидж — это довольно маленький город. И у людей на их задних дворах просто нет места миниатюрным лошадкам. У нас на углу живёт сосед со свинкой Джолли, и Джолли живёт в их доме.

Но ведь нельзя держать в доме миниатюрную лошадку. Это было бы жестоко — для всех.

И вот так они придумали кое-что другое. Они решили превратить ферму в место, где можно гладить миниатюрных лошадок.

— Мы не будем продавать этих замечательных животных, — объявил папа. — Мы будем собирать толпы народа, которые будут

платить за то, чтобы погладить их и покормить.

— И для всех маленьких детей мы будем устраивать катания на мини-лошадках, — сказала мама.

Угадайте что? Этот план тоже не сработал.

Понимаете, может, вам и захочется погладить одну мини-лошадку. Это вроде как весело. Но погладив одну, вам вряд ли захочется гладить одиннадцать остальных.

В большинстве контактных зоопарков есть множество различных животных, которых можно гладить и кормить. Но у нас были только мини-лошадки. Ску-ко-ти-ща.

Люди не приходили, и мои родители почти разорились. Мы не могли себе позволить даже нашу ежегодную летнюю поездку в домик у озера. И мама сказала, что когда осенью начнётся школа, мы не будем покупать новую форму. Возможно, нам придётся довольствоваться прошлогодней.

Для меня это не проблема. Но этим летом Фредди подрос как минимум на два дюйма, и в его коротких джинсах и обтягивающих рубашках он будет выглядеть как настоящий придурок.

Затем у моих родителей появилась очередная «замечательная» идея. Благодаря ей мы все сейчас в Австралии.

И если я расскажу вам эту идею, клянусь, вы не поверите.

Я не хочу вот так сразу раскрывать их безумный план. Я намекну: мы пересекли полмира до Квинсленда в Австралии. Это очень далеко от Мидл Виллидж. И угадайте, чем мы занимаемся? Мы смотрим на ящериц.

Мои родители всегда были помешаны на ящерицах. У них есть целая полка книг про ящериц. В их спальне висит большая картина ящерицы, греющейся на камнях под солнцем. Они обожают программу про ящериц на канале PBS. Некоторое время они даже коллекционировали маленьких саламандр.

Австралия, по словам папы, это обитель ящериц. Наверное, там ящериц больше, чем где бы то ни было на свете.

Итак, моя тётя Лидия одолжила маме с папой денег на эту поездку. И вот мы здесь, тратим всё наше время угадайте на что? Правильно. Смотрим на ящериц.

Комик Фредди всё показывает пальцем на уродливых, шероховатых существ со словами «Эта похожа на Кейт, когда она только просыпается» или «Посмотрите на эти полные слёз глаза. Прямо как Кейт».

Он мой брат, и я его люблю. Мне просто не хватает духа сказать ему, что он не смешной.

Папа приложил к своим губам палец, показывая Фредди замолчать.

— Отнесись к этому серьёзно, — сказал он. — Мы в важном месте, и нам надо хорошенько поработать.

Важное место — это «Заповедник дикой природы в Квинсе». В Австралии очень много странных животных. Я бы хотела увидеть собаку динго, или страуса эму, или кенгуру.

Папа говорит, может, мы доберёмся до них позже. Но мы прилетели сюда с одной целью — посмотреть на ящериц.

— Это так весело, — сказала мама. Она всегда так говорит, когда видит, что мне и Фредди совсем не весело.

Не поймите меня неправильно. Мне нравится посещать такую далёкую страну. Мне просто не нравится, что мои родители могут захотеть привезти ящериц с собой в Мидл Виллидж и открыть контактный зоопарк ящериц или что-нибудь вроде того.

Мы с Фредди держались позади.

— Подойдите сюда, — поманил нас папа обеими руками. — Дома вы таких ящериц не увидите.

— Надеюсь, что нет! — воскликнул Фредди.

От ящериц нас отделял низкий проволочный забор. Они грелись на солнце, сидя на камнях или песчаном берегу узкой ленты воды.

Папа показал на ящерицу в его путеводителе:

— Видите эту? Она называется молох. Видите? У неё по всему телу торчат большие зловещие шипы.

— Фу, гадость, — сказала я.

— Я думаю, она милая, — сказал Фредди. Он засмеялся. Он знал, что последнее слово, которым можно назвать эту ящерицу, — это «милая».

— В книге написано, что в Австралии семьсот разных видов ящериц, — сказал папа. — Больше, чем где бы то ни было в мире.

— Смешной факт, — сказала мама.

Папа на неё уставился.

— Что это должно значить?

Она пожала плечами.

— А это кто? — спросила я, показывая на маленькую ящерку, поднявшую голову к солнцу.

Папа сверился с книгой:

— Это исполинская ящерица. Здесь говорится, что она очень податливая.

Фредди толкнул меня:

— Иди засунь ей в рот свой палец. Посмотрим, правда ли она податливая.

— Иди засунь ей в рот свою голову, — сказала я.

Он осклабился.

— Это вызов?

Мама натянула свою бейсбольную кепку пониже на лоб.

— Солнце печёт. — Она повернулась ко мне. — Кейт, ты можешь себе представить этих замечательных ящериц у нас дома на нашей ферме?

У меня не было шанса ответить. Вмешался папа:

— Вау. Посмотрите на эту, что идёт в нашу сторону. Видите её бороду? Это бородатая ящерица.

Я повернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как в нашу сторону несётся ящерица. В длину она была как минимум два фута. Она один раз клацнула зубами. Ещё раз. Приближаясь к низкой ограде, она не замедлилась.

— Осторожно! — крикнул папа. — Она перепрыгнет ограду! Она собирается АТАКОВАТЬ!

Мы с Фредди взвизгнули и отшатнулись от ограды назад. Думаю, секунд на десять моё сердце перестало биться.

Конечно же, жуткая ящерица даже близко не подошла к забору.

Папа смеялся от души, а мама качала головой, хлопая его по плечу.

Отличная шутка.

Я же говорила, что мои родители сумасшедшие. И они как большие маленькие дети. Папа любит пугать меня и Фредди, и мы почти всегда ведёмся на его глупые шутки.

Не спрашивайте почему. Наверно, потому что он наш папа, и мы ожидаем, что он будет вести себя как взрослый.

— Нам придётся построить на ферме хороший забор, — сказал папа серьёзно. — Хорошо, что прямо посреди нашей фермы течёт ручей. Ящерицам он понравится.

— Разве ящерицы не любят жить в болоте? — спросила я. — Ты правда думаешь, что в Мидл Виллидж для них достаточно тепло?

Мама с папой моргнули. Не думаю, что они об этом подумали. У них просто рождаются эти дикие идеи.

— Зимой будем забирать ящериц в дом, — сказала мама. — У кузена Арни возле дома есть пустое складское помещение.

— Я в восторге! — воскликнул папа, улыбаясь. — Обожаю этих ящериц. Можете себе представить, какой достопримечательностью станет наша ферма ящериц? Она будет уникальна. Нигде нет ничего подобного.

— Люди будут съезжаться со всего штата, — сказала мама. — Нет. Со всей страны. О нашей ферме будут писать на сайтах для путешественников и в путеводителях. Она будет как парк «СиУорлд» с касатками или вроде того.

Люблю их энтузиазм. Они так радуются своим планам. Ненавижу возвращать их на землю своими практическими вопросами.

— Разве можно купить ящериц в Австралии и привезти их в нашу страну? — спросила я.

Папа покачал головой:

— Это заповедник дикой природы. Они не продают животных. Нам придётся обратиться в компанию экспортёров. Нужно будет заполнить множество документов. Это может занять какое-то время, но...

На середине предложения папа замолчал. Внезапно он закрыл глаза. Он сморщил нос. Его рот открылся и он громко чихнул. И ещё раз. И ещё раз, так что содрогнулось всё его тело.

Нет. У моего папы не было аллергии на ящериц. У него случился очередной странный припадок чихания.

Мама, Фредди и я отошли назад и наблюдали. Но мы не были напуганы или вроде того. У него постоянно случаются эти дикие приступы чихания.

Это смешно. Бедняга чихает по восемь, а то и по десять раз подряд, пока его лицо не покраснеет и он не может передохнуть. Прекращается всё так же внезапно, как и начинается.

Доктор Уилкинсон не может это объяснить. Он отправлял папу сдать тесты в центр здоровья при университете. И там тоже никто не смог это объяснить. Ему сказали, что это не опасно. Вообще-то, из-за этого мы с Фредди всегда смеёмся.

Папа чихнул ещё несколько раз и протёр лицо салфеткой.

— Барри, ты пугаешь ящериц! — воскликнула мама.

— Простите.

Мы обернулись и увидели, что сзади нас стоит мужчина постарше. У него были яркие голубые глаза и короткая, белая щетина на морщинистом лице. Он был одет в белый костюм, а на его лоб была натянута широкополая соломенная шляпа.

— Я не мог не услышать... — сказал он.

— Мой приступ чихания? — сказал папа. — Это не страшно. Часто случается.

Мужчина приподнял шляпу со лба. На его бледном лице осталась красная полоска. Его голубые глаза пристально изучали

папу.

— Нет. Вы меня не поняли. Я слышал ваш разговор о покупке ящериц.

— Вы работаете на заповедник дикой природы? — спросила его мама.

— Уже нет, — сказал он. — Но думаю, у меня для вас кое-что есть. Ящерица, которая может вас заинтересовать. Кое-что очень редкое и очень особенное.

Мама и папа переглянулись.

— Можно посмотреть? — спросила мама.

Мужчина кивнул.

— Да. Идёмте.

Мы направились по дороге, ведущей к выходу.

— А эта ящерица кусается? — спросил Фредди.

По лицу мужчины расплылась странная улыбка.

— О да. Она кусается. Определённо кусается.

— Я доктор Клегг, — сказал старик. Он снял шляпу и повесил её на крючок на двери. Он пригладил свою гриву белых волос.

Мы проследовали за ним в его лабораторию через несколько блоков от заповедника. Пока мы шли, прямо перед нами носились белые ибисы. Это были большие птицы с длинными ногами и длинными заострёнными клювами. Они неловко ходили, будто на ходулях.

— Ибисы — голуби Австралии, — сказал нам доктор Клегг. — Смешные птицы, правда?

Стены его лаборатории были белые. От яркого потолочного света светилась вся комната. У противоположной стены я заметила ряд клеток.

— У меня есть ящер, который может вам понравиться, — сказал доктор Клегг. Он поманил нас рукой к клеткам. — Он точно станет популярен. Возможно, звездой вашей фермы ящериц.

— Вау, — выдал Фредди, когда мы подошли ближе. Мы смотрели на длинного, уродливого, зловещего зелёного ящера. По всей его спине торчали шишки, словно акульки плавники. На макушке его чешуйчатой головы торчал рог.

Когда мы подошли к клетке, ящер приподнялся. И щёлкнул двумя рядами острых зубов. Его ноздри раздувались, он уставился на нас своими жёлтыми глазами.

— Он похож на динозавра! — выпалила я.

Улыбаясь, доктор Клегг кивнул.

— Да. Существо из фильма ужасов. Только меньше. Он весит около пятидесяти футов.

— Злобная морда, — пробормотал Фредди, наклоняясь ближе к клетке.

Ящер снова щёлкнул зубами. Он покачивал из стороны в сторону длинным бугристым хвостом.

— Не думаю, что о нём говорится в моей книге про ящериц, —

сказал папа. — Как он называется?

— Вы не найдёте его в путеводителе, — ответил старик. — Он очень редок. Это тасманийский очковый ящер. Их осталось совсем немного, они очень ценны.

Фредди опустил лицо ближе к клетке и заглянул внутрь.

— Он какой-то злой. Чем он питается?

— Всем, чем захочет! — ответил доктор Клеgg.

Секундная тишина. Затем мы поняли, что он пошутил, и рассмеялись.

Внезапно ящер начал издавать хриплый звук, похожий на «хiii-хiii», будто он тоже смеялся.

— Вообще-то, он будет рад диете из светлячков, — сказал доктор Клеgg. — Выглядит он свирепо, но не большой любитель мяса. И эти ящеры довольно застенчивы — если их не провоцировать.

Сзади послышался грохот. Я развернулась и увидела девушку в светло-голубом костюме. Она стояла возле упавшей груды металлических подносов.

— Простите, доктор Клеgg, — сказала она, краснея, и наклонилась поднять подносы.

— Ничего, мисс Моррис, — сказал он. — Эти подносы для образцов скользкие.

Он повернулся обратно к нам.

— Мисс Моррис моя ассистентка. Не знаю, что бы я без неё делал.

Я взглянула на неё ещё раз. К моему удивлению мне показалось, что она подаёт мне сигнал, подзывает меня одной рукой.

Когда доктор Клеgg обернулся, она быстро принялась собирать подносы.

Доктор Клеgg слегка стукнул по верхушке деревянной клетки.

— За этим ящером очень легко ухаживать, — сказал он моим родителям. — Полагаю, вы живёте в довольно тёплом месте? На вашей ферме есть вода, чтобы ящеры пили и купались?

Мама с папой кивнули.

— Если ему не нужна постоянная жара, в Мидл Виллидж он будет в порядке, — сказала мама.

Папа моргнул. Я поняла, что его внезапно посетила мысль.

— Вы хотите продать нам этого ящера, доктор Клегг?

На лице старика расплылась едва заметная улыбка, слегка сморщившая его щёки.

— Я хочу продать вам кое-что получше, — сказал он.

Доктор Клегг подошёл к своей ассистентке и дал ей какие-то указания. Она кивнула и вышла из комнаты, обеими руками неся гору подносов.

— Как думаете, мне можно принести ящера в школу? — спросил Фредди у мамы с папой. — Представляете, как было бы классно?

Папа рассмеялся.

— Посмотри на эту страшную морду. Ты хочешь напугать всех до смерти?

— Да, — ответил Фредди.

Мама с папой такие чудные, что они, возможно, разрешили бы Фредди взять в школу ящера на поводке или вроде того. Я знала, что нужно вставить слово.

— Ящера там будет очень страшно, — сказала я Фредди. — Он может обезуметь, или у него случится сердечный приступ.

И тут я подумала об Адель Бендер, девочке из школы, которая притворялась моей подругой. Она во всём старалась быть первой, любой ценой. Для неё всё было соревнованием. И она всегда отчаянно пыталась стать лучше меня.

Она всегда хотела знать, сколько баллов я набрала в каждом тесте, чтобы понять, выиграла она или нет. А на уроках тенниса она гасила мяч. То есть, она так сильно его отбивала в мою сторону, будто мы играли в выбивалы, а не в теннис.

В прошлом году я пригласила на день рождения двенадцать ребят. А она пригласила четырнадцать. Понимаете? С Адель всё — сплошное соревнование.

Я представила себе её лицо, если бы я пришла в школу с этим прекрасным, странным и ценным ящером. Я привлекла бы к себе столько внимания, что она умерла бы. Ха-ха.

Я всё ещё думала об Адель, когда мисс Моррис вернулась в комнату. Обеими руками она несла маленькую стеклянную коробку.

Аккуратно она передала эту коробку доктору Клеггу. И снова

мне показалось, что она подаёт мне сигнал, в этот раз глазами.

Доктор Клегг поднёс нам коробку. В своей клетке тасманийский очковый ящер опустил голову и закрыл жёлтые глаза.

— Это лучше, чем продавать вам взрослую ящерицу, — сказал старик. Он приподнял стеклянную коробку, и внутри я увидела бледное белое яйцо. — Прежде всего, вам будет удобнее пронести его в самолёт и на таможне.

Мы все подозрительно прищурились.

— Это яйцо ящера? — спросил Фредди.

Доктор Клегг кивнул.

— Его выводят за несколько недель. Я могу вас полностью проинструктировать. На данный момент это единственное яйцо. Но я готов его вам продать, чтобы вы начали свою коллекцию ящериц.

Мама с папой глазели на яйцо с широко раскрытыми глазами. Они и правда напоминают детей, когда вот так чему-то воодушевляются.

— Тасманийский очковый ящер может сделать нам знаменитыми! — воскликнул папа.

Наконец, мама задала разумный вопрос:

— Во сколько он нам обойдётся?

Доктор Клегг снова загадочно улыбнулся:

— Мы это обсудим, — сказал он. — Уверен, мы сможем договориться.

У меня в голове пронеслось миллион мыслей. Разве не должны мои родители узнать побольше об этой ящерице? И о докторе Клегге? Хотя бы погуглить о нём?

Они правда думают, что могут просто пронести яйцо ящера на борт самолёта? Разве у них не будет проблем с охраной аэропорта?

Интересно, хоть один из этих вопросов пришёл им в голову, когда они так восхищённо смотрели на маленькой яйцо?

Я отошла в сторону, пока трое взрослых обсуждали цену. Мисс Моррис стояла в тени у двери в соседнюю комнату. Она быстро мне помахала. — Сюда. Иди сюда, — прошептала она.

Я немного помедлила. Затем подошла к ней.

Она схватила меня за запястье.

— Послушай меня, — зашептала она, не спуская глаз с доктора Клегга. — Не берите это яйцо. Я предупреждаю. Не берите это яйцо.

— По-почему? — запиналась я.

Но внезапно её глаза расширились от страха. Я обернулась и увидела, что на нас смотрит доктор Клегг. А когда я обернулась обратно, мисс Моррис уже исчезла в соседней комнате.

Я видела, как доктор Клегг пожимал руку сначала моей маме, затем папе. Мне не нужно было слышать новости. Я поняла, что они договорились. И я знала, что моя семья — гордые владельцы яйца, из которого вылупится тасманийский очковый ящер.

Мама с папой выглядели такими счастливыми, я думала, что лицо их могут взорваться. То есть, из-за их ликующих улыбок они выглядели как дети, которым только что сказали, что они едут в Диснейленд или что они выиграли миллион.

Я тоже хотела радоваться яйцу с ящером. Но мисс Моррис всё испортила. Я уверена, что она говорила серьёзно. Это была не глупая шутка.

Если бы только она объяснила своё предостережение.

Фредди присел на пол у клетки с ящером. Он засунул в клетку палец и погладил спящего ящера по макушке.

— Эй, он тёплый, — объявил он. — Обычно ящеры холодные.

— Ты прав, — сказал доктор Клегг. — Ящерицы — холоднокровные. Это значит, что они зависят от температуры окружающей среды. Поэтому они проводят много времени, греясь на солнце.

Он достал маленький блокнот и сделал для себя пометку.

— Как только вы доберётесь домой, я вышлю вам полное исследование тасманийского очкового ящера. Также я оставлю вам свой номер. Между Австралией и Америкой огромная разница во времени, но вы можете звонить в любое время дня по любым вопросам и проблемам.

Папа поднёс стеклянную коробку к лицу и поглядел на яйцо.

— Это будет очень кстати, — сказал он. — Я не знаю, как вас

отблагодарить, мистер Клегг.

— Что ж, оставайтесь на связи, — сказал старик, провожая нас к двери. — И как только это маленькое создание вылупится, жду от вас фотографий.

И мы оказались снова на улице. Мама с папой без умолку говорили, как нам повезло и как ферма ящериц станет успешной.

Мама поставила яйцо в сумку и, пока мы возвращались в отель, несла её аккуратно перед собой обеими руками.

Той ночью мне приснился сон, что я стою в продуктовом магазине, где продают одни только яйца. Кругом высокие стеллажи яиц — сотен яиц. И я стояла с тележкой и ждала. Я ждала, пока из яиц кто-нибудь вылупится. Но этого не произошло. Ничего не случилось. И я проснулась с чувством разочарования и недовольства.

Обычно я не запоминаю такие скучные сны. Но этот я запомнила.

И я думала о нём в аэропорту Сиднея при посадке на самолёт. Мама сидела в ряду позади. Папа сел между мной и Фредди и держал коробку с яйцом на коленях. Он не хотел упускать его из виду.

Папа помог Фредди пристегнуть ремень безопасности.

— Знаете, Австралию частенько называют страной Оз, — сказал он нам. — Потому что аббревиатуры страны — AUS. И здесь произносится она как «Оз».

— А Сидней иногда называют Изумрудным городом, — вставила мама. — Как город в «Волшебнике страны Оз».

— Верно, — сказал папа. — Итак... угадайте, что у меня на коленках. Ящер страны Оз! — он засмеялся от своей шутки.

— Не смешно, — сказала я.

— Мне всё равно, — ответил папа. — Мне смешно.

Мы с Фредди тоже засмеялись. Просто чтобы не огорчать папу.

Мы не знали, что ящер в яйце не был поводом для смеха. Мы не знали, что он принесёт в наши жизни самый настоящий ужас.

Я забыла упомянуть, что мы живём в жутком старом доме посреди двух пустых участков. Не упомянула, потому что не люблю об этом думать.

Мама с папой купили этот дом, потому что он напоминал им дом из ужастика, который они смотрели на первом свидании.

Серьёзно.

У них грандиозные планы, как всё в доме починить и сделать всё сияющим и новеньким. Но, как я уже говорила, у моих родителей столько планов и идей, что многие из них просто забываются.

Ну, они немного подремонтировали некоторые помещения: гостиную, кухню и наши комнаты. Но этот дом огромный, и по большому счёту — сплошная развалина.

Я вам всё это говорю, потому что, как только мы добрались домой, мама с папой убрали весь мусор из самой дальней свободной комнаты на первом этаже. Они сразу же её покрасили и установили полки.

И папа сказал, что это его «комната выведения». Его лаборатория для ящериц. Он купил несколько стеклянных аквариумов, чтобы содержать ящериц, когда они вылупятся, и ещё кучу другого оборудования, которое, как он думал, может пригодиться, когда ящериц станет больше.

Я пошла за папой, когда он понёс яйцо в стеклянной коробке в комнату выведения. — Это так волнующе, — сказал он, включая новый свет.

— Доктор Клегг выслал тебе все инструкции по электронке? — спросила я.

— Пока нет, — сказал папа.

— Мы приехали домой неделю назад, — сказала я ему. — Он уже должен был их прислать.

Папа покачал головой.

— Кейт, ты слишком беспокоишься.

— Ну кто-то же в этом доме должен беспокоиться, — сказала я.
Почему-то он рассмеялся.

Он поднёс стеклянную коробку к ёмкости побольше — там он собирался держать яйцо. Маленький обогреватель за ёмкостью обдувал стекло горячим воздухом.

Папа начал поднимать яйцо из маленькой коробки.

— А можно мне подержать? Секундочку? — спросила я.

Он задумался.

— Наверное, — и передал мне яйцо.

Я аккуратно держала его в ладонях. Я надеялась почувствовать, как внутри яйцо что-нибудь шевелится.

Но нет. Оно было как простое яйцо.

Я отдала его обратно папе. До меня дошло, что на всё это время я задержала дыхание. И я облегчённо выдохнула.

Папа аккуратно держал в руках яйцо.

— Оно будет храниться в этом обогреваемом контейнере... — начал он. Но затем выражение его лица изменилось.

Он выпучил глаза. Кашлянул.

— Папа... что такое? — закричала я.

— Яйцо... Оно... оно... — начал он заикаться. — Я чувствую ящера. Он... Он бьётся о скорлупу. Я думаю... думаю... Вау! Началось! Он вылупляется, Кейт! Началось!

От удивления я открыла рот и отошла назад.

Яйцо подрагивало в папиных руках.

— Готовься, — сказал папа. — Готовься ловить ящера, когда он выпрыгнет.

Я подняла руки. Моё сердце начало колотиться. Всё моё тело напряглось.

Папа разразился смехом.

— Снова попалась, — сказал он. — Ты и правда мне поверила? Этот ящер не вылупится ещё пару недель.

— Ааааа! — выпалила я. Я крепко сжала кулаки. Мне захотелось хорошенько ударить папу. Но я сдержалась. Я не хотела, чтобы он выронил яйцо.

— Знаешь, какие у тебя смешные шутки? — сказала я. — Совсем не смешные!

Он ещё немного посмеялся.

— Что действительно смешно, Кейт, так это что ты постоянно на них ведёшься.

Я тихо поворчала себе под нос. Это у всех так папы постоянно шутят? Не думаю.

Дно стеклянного резервуара папа посыпал слоем песка. Туда он аккуратно поставил яйцо. Затем он настроил обогреватель за резервуаром.

— Там хорошо, тепло и удобно, — сказал он. — Наш маленький друг вылупится уже совсем скоро.

Я подняла телефон и сделала селфи на фоне яйца. Не могла дождаться, чтобы показать его всем в школе. Мисс Арнольд, моя учительница, фанат науки. Я знала, что ей понравится эта история с ящером.

На следующий день на уроке мисс Арнольд я презентовала всем фотографии из Австралии. От ребят доносились восхищённые «ууух!» и «ааах!», когда они смотрели на множество фото разных ящериц. Больше всего всем понравились бородатые ящерицы. Некоторые даже не поверили, что они настоящие.

Я закончила презентацию своим селфи с яйцом. Я рассказала, как мой папа купил яйцо, и скоро оттуда вылупится тасманийский очковый ящер.

— Это так интересно, — сказала мисс Арнольд, глядя на яйцо. — Кейт, тебе придётся каждый день нам рассказывать, что происходит с этим яйцом. Думаю, нам всем интересно увидеть, что из него появится.

И тут вмешалась Адель Бендер. Я знала, что она не промолчит. Я говорила, она всегда со мной соревнуется. Я знала, что она не может вынести факта, что мисс Арнольд и вообще весь класс уделяют мне так много внимания.

— Я знаю, что оттуда вылезет, — сказала Адель. — Желток!

Несколько детей засмеялись.

Мисс Арнольд прищурилась, глядя на Адель.

— Что ты имеешь в виду?

— Да вы на него посмотрите, — сказала Адель. Да, на её лице была усмешка, её верхняя губа вздернулась почти до носа. — Это яйцо купили в супермаркете. Это всё подделка.

Все заговорили наперебой.

Я знала, что Адель скажет что-то подобное. Она всегда говорит.

Я упоминала единственный способ, которым она всего добивается? Я намного красивее меня. Она во многом напоминает модель из журнала с кремовой кожей, высокими скулами, кошачьими голубыми глазами и длинными, волнистыми, рыжеватыми волосами, всем на зависть.

Я не хочу говорить о моих волосах. Они похожи на те верёвки, из которых делают половые тряпки. Поэтому, я признаю. В красоте Адель побеждает.

Но ей ни за что не выиграть в ящерицах.

Чтобы всех успокоить, мисс Арнольд понадобилось какое-то время. Адель сидела, плотно скрестив руки на груди и поджав рот.

— Яйцо настоящее, — сказала я тихо. — Все знают, что я была в Австралии. Все те ящерицы на моих фотографиях — настоящие, и они обитают только в Австралии.

— Яйцо тоже настоящее, — сказала Адель. — Из него можно сделать омлет, потому что это обычное яйцо из магазина.

— Ты спятила! — закричала я. — Ты не знаешь, о чём говоришь, Адель. Ты просто думаешь...

Мне не удалось закончить предложение, потому что зазвонил звонок. Все подскочили и начали собирать вещи в рюкзаки, болтать и смеяться.

Я не сдвинулась с места. Адель тоже не шевелилась. Она сидела за своей партой, глядя на меня. Бросая мне вызов.

Именно тогда я совершила большую ошибку. Именно тогда я пригласила её ко мне домой посмотреть на яйцо.

Чем я думала?

— Я и забыла, какой старый у тебя дом, — сказала Адель, когда мы подошли к лужайке. Она пнула куст одуванчиков. — Эти сорняки, наверное, тоже старые.

— Мы были в отъезде, — сказала я. — Поэтому трава и не убрана.

— У нас этим занимается садовник, — сказала Адель.

Мы шли вдоль стороны дома. Нам пришлось пройти мимо грабель и лопаты, которые мой папа оставил на земле. Дверь гаража была открыта. Повсюду были картонные коробки. В гараже не было места для машины.

Я видела, как Адель всматривается в каждую неубранную деталь. Я знала, что она хотела сказать, какие у меня неряхи-родители, и какой у неё сияющий, новый, убранный дом.

— Твои родители не работают, да? — сказала она.

Она даже и подругой не была. Зачем я пригласила её зайти? Просто доказать, что я не врала про яйцо?

— Ты знаешь, у нас была ферма мини-лошадок, — сказала я. — Однажды я весь класс приглашала, помнишь?

Она кивнула.

— Они были милые.

— У моих родителей большие планы на ящериц, — сказала я, открыла дверь в кухню и пропустила Адель войти.

— Эй, я дома! — крикнула я.

Ответа нет.

— Наверное, дома никого, — сказала я.

На столе до сих пор стояли грязные тарелки. Адель пригнулась.

— Чем это пахнет?

— Папа завтракал сардинами, — сказала я. — Он очень

странный.

— Мои родители тоже странные, — сказала Адель. — Возможно, даже страннее твоих.

Видите? Ей во всём нужно быть первой!

Мы бросили рюкзаки у стены.

— Хочешь что-нибудь перекусить? — спросила я.

Адель покачала головой.

— Не особо.

Она указала пальцем:

— Это ваша гостиная?

Я провела её в гостиную через маленький коридор.

— Это одна из комнат, которую отремонтировали родители. В доме ещё куча работы. Представляешь, родителям нравится думать, будто они живут в доме с призраками.

Адель не ответила. Я заметила, как у её ног что-то быстро пробежало. Внезапно она выпучила глаза. Её рот открылся, и она закричала:

— Что это было? Ты видела? Оно пробежало прямо по моему ботинку!

— Я видела, — сказала я. — Думаю...

— Ящерица! — завизжала она. — Кейт, это ящерица! Она сбежала!

Она запрокинула голову и закричала.

Пытаясь её успокоить, я схватила её за плечи.

— Адель, послушай меня. Адель, дыши. Не паникуй.

Наконец, она замолчала. Тяжело дыша, она посмотрела на меня.

Я засмеялась.

— Думаю, это была мышь.

Она сглотнула.

— Мышь?

Я кивнула.

— В этом старом доме полно мышей. В основном они живут в пустых комнатах, которыми мы не пользуемся. Но нас не было три недели. Мы были в Австралии, помнишь? И они осмелели.

Адель передернуло.

— Ненавижу мышей. Они меня пугают.

— Папа обещает вызвать крысоловов, — сказала я. — Но он занят, пытается купить ещё ящериц.

— Ящерицы, — повторила Адель. — Яйцо. Чуть не забыла. — Она убрала назад свои идеальные волосы цвета меди. — Ты сказала, что мне можно посмотреть на яйцо. Где оно?

Я указала назад в коридор.

— Мама с папой обустроили специальную комнату для выведения. Но их нет дома. Не думаю, что могу тебе показать.

— Я так и знала! — крикнула Адель. — Я знала, что это всё выдумка!

— Нет. Правда... — сказала я.

— Я была права, — настаивала она, её голубые глаза горели. — Нет никакого яйца. Нет никакого яйца ящерицы, вот так!

— Нет, оно есть, — сказала я сквозь зубы. — Я не лгунья, Адель.

Но я не думаю, что родители хотели бы, чтобы я без их присутствия показывала кому-то яйцо.

Она вздохнула.

— Я лишь хочу взглянуть на него. Я не буду его трогать, Кейт, — она скорчила рожу. — Фу. Я и не хочу его трогать.

У меня зашумело в голове. Я не знала, что делать. Если я не покажу ей яйцо, она расскажет всем в школе, что пришла ко мне домой и там не было никакого яйца.

— Обещаешь, что не станешь пытаться его поднять или вроде того? — сказала я наконец.

Она подняла правую руку:

— Обещаю.

— Хорошо, — сказала я. — Я тебе его покажу. Докажу, что ты не права.

Я повела её по коридору.

— Осторожно, — предупредила я. — Некоторые половицы шатаются.

Половицы скрипели под нашими ботинками. Внезапно от страха мне свело живот. Я знала, что рискую.

Но... что может произойти, если мы только посмотрим на яйцо в стеклянном резервуаре?

Я остановилась у двери в комнату выведения. Я глубоко вздохнула. И открыла дверь.

И мы вдвоём затаили дыхание от ужасного оглушающего крика.

Адель схватила меня за плечи и сильно сжала. Её глаза расширились от испуга.

— Чт-что это было? — начала она заикаться.

Я засмеялась.

— Это Скрип.

Она отпустила мои плечи.

— Скрип?

— Да, — сказала я. — Скрип. Папин попугай ара.

Я потянула её в комнату.

Большая красно-голубая птица взволнованно прыгала на деревянном насесте. Она склонила пернатую голову набок, расправил большие красные крылья — и издала ещё один душераздирающий визг.

Адель закрыла уши руками.

— Зачем он так делает?

— Наверное, радуется. Быть попугаем скучно.

Адель нахмурилась.

— Зачем твоему папе попугай ара?

Я пожала плечами.

— Зачем ему вообще что-то? Я же говорила, мои родители очень странные.

Адель снова встряхнула волосами. Она оглядела комнату. Её глаза остановились на стеклянном аквариуме на длинном столе.

— Это здесь?

Я кивнула.

— Папа делает из этой комнаты лабораторию и мастерскую. Ну знаешь. Место для выращивания ящериц, прежде чем их можно будет перенести на ферму.

Адель подошла к рабочему столу.

— Я хочу просто взглянуть на яйцо с ящерицей и убраться отсюда, — сказала она. — Без обид, Кейт, но от твоего дома у меня мурашки.

Без обид? Серьёзно?

Мне хотелось оскорбить её в ответ.

— Не знала, что тебя так легко напугать, Адель.

Она прищурилась.

— Я не испугалась. Просто удивилась. Сначала в гостиной на меня налетает мышь. Затем пытается оглушить попугай.

Я ухмыльнулась.

— Знаю. Будто живёшь в заповеднике.

Она наклонилась над стеклянным аквариумом и посмотрела на яйцо.

— Как я и говорила, Кейт. Оно похоже на обычное яйцо в песке.

— Это яйцо ящерицы. Поверь мне, — сказала я. — Оно чуть больше куриного яйца. И тяжелее. Однажды папа разрешил мне его подержать.

Она прищурилась.

— Ты шутишь, да?

Я снова стиснула зубы.

— Вообще-то нет.

Зачем бы я стала врать? Она правда думает, что я всё выдумала, чтобы привлечь к себе внимание?

Я решила, что приводить Адель к себе домой было большой ошибкой. И затем я взяла и совершила ещё одну большую ошибку...

— Ты можешь его достать, чтобы я получше рассмотрела? — спросила она.

— Ни за что, — ответила я. — Хватит, Адель. Ты обещала, что только посмотришь.

— Но я не могу рассмотреть его в песке. Под стеклом. Всего на

секунду, Кейт. Я лишь хочу поближе на него взглянуть.

— Я... так не думаю.

Внезапно мои руки стали холодными и влажными. Я знала, что это очень плохая идея.

Так зачем же я это сделала?

Чтобы она перестала называть его фальшивкой? Чтобы она перестала называть меня вруньей?

Адель попросила ещё раз.

Я глубоко вздохнула. Затем оттолкнула её в сторону и наклонилась над столом.

Осторожно... Я осторожно опустила руки в аквариум. Я чувствовала, как сильно забилося сердце. Руки дрожали.

Я аккуратно обхватила яйцо обеими руками. Оно было тёплое. Не спеша я достала его из аквариума.

Глаза Адель стали ещё больше, когда я поднесла к ней яйцо.

— Там внутри что-нибудь шевелится? Ты чувствуешь?

— Нет, — сказала я. — Ничего. Ещё наверняка слишком рано.

Я держала яйцо во влажных ладонях.

— Довольна, Адель? — сказала я. — Хорошо рассмотрела?

— Дай подержать секундочку, — сказала она.

Она потянулась к яйцу — и оно выскользнуло из моих рук.

Я вскрикнула, когда яйцо с громким треском ударилось о твёрдый пол.

В ужасе я смотрела, как раскалывается скорлупа и на пол вытекает жёлтая жидкость.

Адель прижала ладони к лицу и завизжала во всю мочь:

— Прости! Прости меня!

Но что это — на её лице промелькнула довольная улыбка?

Я не могла пошевелиться. Я не могла дышать. Я смотрела вниз на жёлтую лужицу, пока она растекалась по полу.

Как это могло произойти? Как я могла всё испортить?

Мне хотелось кричать. Мне хотелось провалиться на месте. Хотела бы я вернуться назад во времени... всего на минуту.

— Ох... ох... ох... — тихие стоны вырывались из моего рта.

— Мне так жаль! — кричала Адель. — Прости меня!

Потом я обернулась — и увидела в проходе папу. Он смотрел на разбитое яйцо.

— Папа... — выдавила я. Я пыталась сказать больше, но слова не выходили.

— Мне так жаль! — крикнула Адель. Она схватила меня за руку и сильно сжала.

Папа сделал пару шагов в комнату — и расхохотался.

— Папа... что смешного? Ты в порядке? — спросила я. — Папа?

Он смеялся, пока его лицо не покраснело. Тряся головой, он смеялся, пока по его щекам не побежали слёзы.

Мы с Адель смотрели на него с открытыми ртами.

Он сошёл с ума? Именно так я и подумала. Он сошёл с ума при виде уничтоженного яйца?

Наконец он перестал смеяться.

— Простите, — пробормотал он, обеими руками стирая с лица слёзы. — Простите девочки. Это была злая шутка.

— Шутка? — сказала я дрожащим шёпотом. — Шутка?

Он кивнул.

— Этим утром я подменил яйцо. Это яйцо из холодильника. Он снова засмеялся.

Я бросилась к нему и обхватила руками его шею.

— Я... Я готова тебя задушить! — закричала я.

— Видели бы вы свои лица, — сказал папа.

— У меня два приступа случилось! — закричала я. — Я совсем дышать не могла. Серьёзно. — Я потрясла его за шею. — Ты со своими дурацкими шутками!

— После ужина я собирался подшутить над вами с Фредди, — сказал он. — Но вы вдвоём меня опередили.

Адель присела на край стола. Она была бледная и держалась за живот. — Я думаю, меня стошнит, — пробормотала она.

— Я принесу тебе стакан воды, — сказал папа.

Она покачала головой.

— Просто позвольте отдышаться. Я сильно испугалась, мистер Липтон.

Я закатила глаза.

— Вот так мы постоянно здесь и живём, — сказала я Адель.

— Прекрати жаловаться. Тебе ведь нравится, — сказал папа.

Я потрясла головой.

— Это кто сказал? — я взглянула под ноги на лужу яйца. — Это была твоя самая злая шутка, папа.

Он усмехнулся. Я поняла, что он принял это как комплимент.

— Хочешь увидеть настоящее яйцо ящерицы? — спросил он Адель. — Я положил его вот сюда, в инкубатор.

Он подошёл к полке за нами. Я увидела, что у него было новое оборудование. Оно было металлическое, прямоугольное и чуть больше тостера.

Папа потёр рукой его верхушку.

— Этот новый инкубатор защищает яйцо от воздуха, — сказал он. — И создаёт там нужную температуру.

Мы с Адель замешкались.

— Это очередная шутка? — спросила Адель. Она крепко сжала руки на груди.

— Да. На нас что-то вылетит, когда ты её откроешь? — спросила я.

Папа покачал головой.

— Нет. Теперь я серьёзен. Больше никаких шуток. Ящер слишком ценный. И очень важен для будущего нашей семьи.

Я подошла ближе. Адель не пошевелилась.

Папа поднял крышку инкубатора. Потом аккуратно вытянул оттуда яйцо.

— Это яйцо очень редкой тасманийской очковой ящерицы, —

сказал он Адель. — Наверное, Кейт всё тебе о ней рассказала.

Адель сделала несколько неуверенных шагов в сторону яйца. Она сильно прищурилась.

— Оно всё в пятнышках, — сказала она.

— Видишь? Оно не похоже на обычное яйцо, — сказала я. — И форма немного другая.

— Он скоро вылупится, — сказал папа. Он погладил яйцо одним пальцем. — Этот дружок станет звездой нашей фермы ящериц.

Он повернулся и начал опускать яйцо обратно в инкубатор.

— Спасибо, что показали, мистер Липтон, — сказала Адель.

Я заметила, как у папы дёрнулся нос. Яйцо зашаталось в его руках. Внезапно папа закрыл глаза.

Он запрокинул голову — и громко чихнул.

И ещё раз. И ещё раз.

Я испугалась. Очередной приступ чихания!

Оглушающим рёвом из его рта и носа вырвался чих.

Я наблюдала, застыв в ужасе, как из его рук выпало яйцо.

— О не-е-е-е-е-ет, — вырвался стон из моего рта.

Яйцо перелетело через комнату и сильно ударилось о стол. Оно упало на пол. На скорлупе появились неровные линии. И она раскрылась с жёстким звуком разбивающегося стекла.

Держа пустые руки вытянутыми, папа снова чихнул. Снова.

Мы с Адель уставились на разбитое яйцо... в ожидании. Мы ждали, что же оттуда вылезет.

Папа достал из кармана штанов салфетку и вытер нос.

В комнате воцарилось молчание. Я чувствовала, как у меня пульсируют виски.

У наших ног лежало разбитое яйцо, а в нём дыра с неровными краями. Из него выливался зелёный желток, цветом с гороховый суп, формируя на полу густую лужицу.

Никто не шевелился. Никто не моргал.

Ждали. Мы ждали, пока появится ящер, высунет свою голову, выйдет из сочившегося зелёного желтка.

Но нет.

Яйцо больше не наклонялось и не трещало. Из него не выскочило никакое существо. Из скорлупы перестала капать густая жидкость.

Ничего не шевелилось. Ничего.

— Папа, — прошептала я, когда ко мне вернулся голос. Я схватила его за рукав. — Папа, пожалуйста, скажи, что это была очередная шутка. Пожалуйста.

Папа грустно покачал головой. Он избегал моего взгляда.

— Не шутка, Кейт, — пробормотал он.

Я отпустила его рукав. Он посмотрел на зелёный беспорядок на полу.

— Шутка — это моя карьера, — сказал он горько. — Все наши великие планы. Разрушены чиханием. Вот это шутка.

— Но, пап... — начала я.

Он резко развернулся. Опустив голову, что-то бормоча под нос, он пошёл к двери.

— Пап, может, у того мужчины в Австралии есть ещё яйца ящериц, — сказала я ему вслед.

Но он исчез в двери не проронив ни слова.

Я постояла ещё секунду, глядя в пустой дверной проём и пытаюсь перевести дух. Я сдерживалась, чтобы не разрыдаться. Но в тот момент я поняла, что это был самый печальный момент в моей жизни.

Адель стояла рядом, кусая нижнюю губу и крепко сжав кулаки.

— Мне так жаль, — прошептала она. — Наверное, мне лучше уйти.

Я ничего не сказала. Я не знала, что говорить.

Случилось бы это, если бы я не привела Адель домой? Это я во всём виновата?

Я провела Адель на кухню. Она подняла рюкзак и повесила его на одно плечо.

— Прости, — пробормотала она снова. Видимо, это слово дня.

— Увидимся в школе, — сказала она. Я придержала ей дверь и смотрела ей вслед, пока она не исчезла за углом дома.

Было ли мне ужасно грустно? Да.

Было ли мне ужасно стыдно? Да.

Я решила помочь папе и убрать беспорядок на полу инкубаторной комнаты. Их кухонного шкафчика я достала рулон бумажных полотенец, а под раковиной нашла мусорный пакет.

Всё это я принесла в инкубаторную. Комнату уже наполнил слабый прокисший запах вытекшего желтка.

Я упала на колени, взяла кусок бумажного полотенца, и начала вытирать жёлтый желток с холодильника для яиц. Ещё немного прилипло к полу, и чтобы его стереть, мне пришлось хорошенько всё подраить.

Я подумала, что есть в этом один плюс. После всего, что сегодня случилось, Адель больше никогда не захочет сюда возвращаться.

Я бросила разбитую скорлупу и жёлтый желток в мусорный пакет. Затем я убрала жидкость зелёной ящерицы.

Всё ещё сидя на коленях, я подняла разбитое яйцо и начала подносить его к мусорному пакету.

Я подпрыгнула, когда почувствовала, как скорлупа в моей руке

задрожала.

— Воу! — крикнула я в шоке. Что-то вылезло из скорлупы. Малюсенькая лапка?

Я поднесла скорлупу поближе, пристально всматриваясь в неё. Внутри что-то заёрзало. Показалась ещё одна лапа. А затем я вздохнула, когда из скорлупы выпало и шлёпнулось на пол крохотное создание.

Я уже стояла на коленях. И нагнулась ниже, чтобы получше его рассмотреть.

Оно было чуть больше виноградины. Мне не было видно его головы. Всё существо было покрыто густыми чёрными волосками. Пару раз оно перевернулось. А затем поднялось на четыре длинные лапки.

Я наклонила голову почти до пола. Всё моё тело дрожало, наверное, от волнения.

Сильно прищурившись, я увидела короткую голову с двумя малюсенькими глазами с булавочное ушко. Голова существа закачалась, когда оно опробовало свои ноги.

Я подумала, что оно совсем не похоже на ящерицу. Новорождённые ящерицы действительно так выглядят?

Я резко подняла голову вверх, когда существо внезапно забегало по кругу. Его ноги вылетели из-под тела, и оно подпрыгнуло. На несколько секунд оно замерло, будто пытаясь понять, почему оно упало. Затем, медленно, оно поднялось на тонкие лапки.

— Папа очень обрадуется, — сказала я себе. Я полезла в карман за джинсов за телефоном. Я хотела сделать пару фотографий. Но я вспомнила, что мой телефон заряжался в другой комнате.

Ящер был похож на толстую, волосатую пчелу. На коротенькой голове его глаза были меньше маковых зёрнышек. Он вернул себе баланс и снова зашагал, в этот раз медленно и осторожно.

Я осмотрела комнату. Я знала, что мне нужно поднять ящера и поместить его в безопасное место. Но куда? Может, в стеклянный аквариум с песком?

Я видела, как он прошёл по зелёной лужице желтка из разбитого яйца. Его малюсенькая голова приюхивалась к кусочкам скорлупы. Липкий зелёный желток прицепился к его тонким лапкам, но он продолжал идти, медленно, но верно, пока не выбрался из лужи.

Маленький волосатый ящер опустил голову и начал набирать

скорость, идя по прямой линии. Я взглянула вперёд и поняла, куда он направляется.

Сначала я подумала, что смотрю на чёрное пятно грязи на полу. Но присмотревшись, я поняла, что это мёртвый муравей.

— Воу, — вырвался у меня вскрик, когда ящер бросился к муравью, опустил голову, раскрыл маленькие челюсти — и щёлкнул своей пастью, проглотив муравья.

Челюсти работали быстро. Я слышала громкие жующие звуки, пока ящер пожирал свою добычу. Было похоже, будто кто-то жуёт жвачку.

— Прожорливый мальй, — проворчала я.

Муравей исчез меньше чем в три секунды. Ящер снова зашагал, прямо. Он набрал скорость. Его голова качалась из стороны в сторону. Я поняла, что он наверняка ищет ещё муравьёв.

Я знала, что у папы есть большая сумка мёртвых сверчков, чтобы кормить ящериц. Я не могла за ней сходить. Я не могла выпустить это создание с поля моего зрения. Оно направлялось к открытой двери в коридор.

Больше я не могла просто на него смотреть. Нужно было действовать.

Я была всё ещё на коленях. Маленький волосатый комок развернулся и исчез за шкафчиком.

Нет!

Если я его потеряю, никогда себе не прощу.

Я вскочила на ноги и кинулась к краю шкафчика. В безумии я бегала глазами по полу. Я его не видела.

Стоп.

Да. Вот он. Направляется к открытой двери.

Я решила поднять его и посадить в инкубатор. У инкубатора была крышка. Поэтому существо не сможет выбраться.

Я глубоко вдохнула. Нагнулась. Протянула руку к полу и...

— АЙ!

Оно меня укусило.

Я потрясла рукой, когда боль ещё отдавалась пульсацией. Я изучила палец. Я увидела тонкий порез, как от бумаги. Показалась капелька крови.

Я снова потрясла рукой, ожидая, что боль стихнет. Потом протянула к полу другую руку и аккуратно взяла пальцами волосатое маленькое существо.

Оно засуетилось и затрясло всем телом. Колючие волоски щекотали мне кожу. Я поспешила к инкубатору в надежде, что маленький зверёк не укусит меня снова. Я выдохнула с облегчением, когда опустила его в инкубатор. Затем я осторожно опустила крышку и заспешила к папе.

* * *

— Всё ещё болит? — спросил папа.

— Немного, — сказала я. — Уже не так сильно.

Конечно, папе не терпелось увидеть ящера. Но сначала он решил осмотреть мой палец.

Фредди наблюдал, как папа вытер тряпочкой капли крови. Затем он намазал порез мазью и забинтовал палец.

— Ты подхватишь бешенство, — сказал Фредди. — У тебя пойдёт пена изо рта и ты будешь выть, как собака.

И он смешно продемонстрировал собачий вой.

Он считает себя весельчаком. Но что весёлого в бешенстве?

— Ящерицы не переносят бешенство, — сказал папа.

— Просто предположил, — ответил Фредди.

Полная чушь.

— Ладно. Тебя подлатали, Кейт. Пошли посмотрим на этого парня! — воскликнул папа. И на всей скорости понёсся по коридору.

Мы с Фредди побежали следом.

— Можно мне его подержать? — крикнул Фредди.

— Он и тебя укусит, — сказала я. — С чего ты взял, что ты в безопасности и с тобой такое не случится?

Фредди поднял обе руки и обнажил зубы в усмешке. Он был в перчатках.

Через несколько секунд мы втроём заглядывали в инкубатор. Существо уже казалось мне крупнее. И я заметила, что дно инкубатора всё в чёрных волосках.

— Он сбросит свою шёрстку и будет больше похож на ящера, — сказал папа. — Я... я так взволнован, я едва ли могу говорить. Вы же понимаете, да, что это единственный тасманийский очковый ящер во всей Америке.

— Он похож на жирного жука, — сказал Фредди. — Зацените его жучьи волосатые лапки.

— Дай ему время, — сказал папа. — Он каждый день будет всё больше походить на ящера.

— Не думаю, что ему комфортно в инкубаторе, — сказала я. — Посмотрите. Он бегаёт взад-вперёд. Может, лучше поместить его в песок в стеклянный аквариум. Там у него будет больше места.

— Может, он голоден, — сказал Фредди. — Кейт, почему бы тебе не проверить и не засунуть туда палец?

Я пнула Фредди.

— Ха-ха.

— Может, нам его перевезти, — ответил папа. — Нужно позвонить вашей маме. Она не поверит, что ящер вылупился, а она всё пропустила.

Мама навещала свою сестру в Шейкер Хайтс. Она должна была вернуться только на выходных.

Папа сделал на телефон пару фото.

— Погодите, вот она увидит. Это за гранью волнующего. Мы станем знамениты, знаете ли.

Было здорово видеть папу таким восхищённым. С тех пор, как ферму с мини-лошадками пришлось закрыть, он был действительно

подавлен.

— Давайте перенесём ящера в аквариум с песком, — сказал папа. — Фредди, ты в перчатках. Давай. Ты это сделаешь.

Глаза Фредди округлились от удивления.

— Я? Правда?

— Вперёд, — сказал папа. — Будь очень осторожен. Подними его двумя пальцами. Слишком сильно не сжимай. — Он указал на стеклянный аквариум на столе позади нас. — Затем аккуратно его опусти вниз.

— Без проблем, — сказал Фредди. — Смотришь, Кейт? Смотри, как это делает эксперт.

Он протянул в инкубатор руку в перчатке. Обхватил ящера рукой. Поднял руку и задержал напротив нас с папой.

Затем он поднял вторую руку и хлопнул её по перчатке. Странная усмешка появилась на лице Фредди, когда он хлопнул перчатками и раздавил ящера.

Я закашлялась. Папа отшатнулся к рабочему столу.

Фредди улыбнулся и раскрыл ладони.

Пусто.

— Ящер ещё в инкубаторе, — сказал он. — Я у тебя учусь, пап. — Он помахал в воздухе пустыми руками и разразился смехом.

Папа просто таращился на Фредди с открытым ртом.

— Ты... придурок! — крикнула я. — Напугал меня до смерти!

Фредди посмеялся ещё немного. Затем он потёр перчаткой моё лицо.

— В этой семье смешной не только папа.

Папа выдохнул:

— Думаю, эта шутка станет смешной через час или два, Фредди, — сказал он. — Когда моё сердце снова забьётся.

Я покачала головой.

— Я люблю посмеяться. — сказала я, — но...

И замолчала, потому что Фредди снова полез в инкубатор. Мы с папой тихо смотрели, как он аккуратно достал малыша-ящера. Он держал его двумя пальцами.

Ящер сбросил почти всю свою шёрстку. Его кожа была светло-коричневой. Его голова качалась из стороны в сторону, пока Фредди нёс его к столу. Фредди поднял его над аквариумом и осторожно опустил его на песчаное дно.

Мы втроём застыли и наблюдали сквозь стекло. Маленькое существо не двигалось. Скрутилось на песке, растопырив длинные лапки и опустив на животик своё тельце.

— Он умер? — спросила я тонким голосом. — Почему он не шевелится?

— Привыкает к песку, — сказал папа.

Наконец, ящер приподнялся и сделал пару неуверенных шагов.

— Я принесу ему ужин, — сказал папа. Он пересёк комнату к шкафу с едой. Через несколько секунд он уронил в песок рядом с ящером мёртвого сверчка.

Сверчок был вдвое выше ящера, но ящер не стал ждать. Он прыгнул на длинные чёрные лапы сверчка, открыл свою пасть и начал хрустеть.

— Этот парень любит поесть! — сказал папа.

Ящер громко чавкал. Он ломал, и грыз, и поглощал две лапы. Затем он погрузил голову в тело насекомого и начал жевать ещё громче.

Мой палец заныл под повязкой. Внезапно я подумала, каким будет ящер, когда он станет старше и крупнее. Будет ли он такой же злой, как крокодил, что заманивает еду к своим гигантским, острым зубам?

Иногда папу уносит. Он не всегда продумывает вещи наперёд. Подумал ли он, каким этот ящер будет взрослый? Подумал ли он о мерах предосторожности?

Папа делал фото за фото этого малюсенького ящера, пока тот поглощал большого, хрустящего сверчка.

— Я снимаю видео, — сказал он. — Этот мальчик прославится. И он прославит нас. — Папа обернулся ко мне. — Я уже это говорил? Я так взволнован, что не помню, что я говорил, а что нет.

Через несколько минут ящер закончил кушать. Он развернулся, медленно поплёлся к задней стенке аквариума, где и съёжился. Его тело вздрагивало и пульсировало, будто переваривало еду. В песке лежала одна лапа сверчка — всё, что осталось от большого насекомого.

— Я тут вспомнил... Я тоже голоден! — сказал Фредди. — Пап, ты же знаешь, что пора ужинать, да?

Папа покачал головой:

— Я потерял счёт времени.

Я направилась к шкафу с едой:

— Фредди, сколько хочешь сверчков? Будешь с ними картофель фри?

— Ты не смешная, — сказал Фредди. — Здесь смешной я. Ты забыла?

— Смешно выглядишь, — проворчала я.

— Пошлите поужинаем, — сказал папа. — Как насчёт ведёрка жареной курицы? Хотите сильной поджарки?

Я содрогнулась.

— Ни за что. Это напомнит мне о том бедном сверчке.

Итак... Мы поехали в закусочную «Куриный рай» и разделили ведёрко курицы и других закусок. И как всегда, это было круто. Мы ходили в «Куриный рай» только когда мама была в отъезде.

И угадайте, о чём мы говорили всё это время?

Правильно. О тасманийском очковом ящере. Много времени ушло на то, чтобы придумывать ему хорошее имя. Я хотела назвать его Ящ. Коротко от «ящер», понимаете? Мы не знали, самка это или самец.

Но Фредди настоял, чтобы мы назвали его Тас. И папа решил, что это хорошее, простое, легко запоминающееся имя. Тас.

И нам было весело, тем более что папа был на седьмом небе от счастья. И я тоже была счастлива — пока мы не собрались уходить. И я взглянула на свои руки. И с ними было что-то не то. Точнее, с кожей на них было что-то не то.

На тыльных сторонах моих ладоней появились крестообразные линии. Будто трещины на коже. Только в виде узора. Линии в форме ромбов вырисовывались на моих руках.

— Папа! — воскликнула я. — Смотри... Мои руки... Вся кожа потрескалась. Что происходит?

Фредди засмеялся:

— Ты становишься старушкой.

Я подняла кулак:

— Хочешь дожить до старости? Тогда уймись.

Я сунула руки прямо папе под нос. Он за них ухватился и осмотрел каждую по очереди. Указательным пальцем он потёр мою правую руку.

— Кожа сухая, — сказал он. — Когда придём домой, возьми в ванной из шкафчика мамин лосьон для рук.

Всего лишь сухая кожа. Мне полегчало.

Я люблю пользоваться всякими мамиными лосьонами. Не могла дожидаться, когда мы вернёмся домой.

Но я не сразу туда добралась. По дороге домой из закуской мне пришла смс. От Адель:

«Где ты? Забыла?»

— Ой, вау, — пробормотала я. — Я и впрямь забыла.

— Что такое? — спросил папа, взглянув на меня в зеркало заднего вида.

— Мне нужно быть в школе, — сказала я. — Мы готовим украшения для школьной пьесы. Не могу поверить, что я совсем забыла. Я должна была прийти в полвосьмого.

— Наверное, они и без тебя отлично справляются, — сказал Фредди. И захихикал. Мне уже порядком поднадоело его ехидное чувство юмора. Какой надоеда.

— Я могу тебя подвезти в школу, — сказал папа, замедляясь у знака «стоп».

— Хорошо. Отлично, — сказала я. — И правда не могу поверить, что забыла.

Руки зудели. Я чесала их, но это не помогло.

Через несколько минут я уже была в школьном спортзале. Там горел свет. Группа ребят стояла на четвереньках, рисуя огромную фоновую картину. Картина была в стиле вестерна. Голубое небо над пустыней, с жёлтым песком, усеянным большими кактусами.

Театральный кружок придумал постановку под названием «Супергерои с Запада». Это был мюзикл сочинения мистера Коатли, нашего учителя.

— Простите за опоздание, ребят, — сказала я. Я села рядом с Адель и взяла кисть.

— Где ты была? Высиживала яйца? — спросила она. — Ты принесла с собой ящериц?

Несколько ребят засмеялись.

— Ты слишком рано ушла, — сказала я Адель. — Всё пропустила. В том разбитом яйце был ящер. Он вылез. Он живой!

Адель усмехнулась.

— Не выдумывай, Кейт. Я была там, помнишь? Я видела, как яйцо упало на пол. Ничего, кроме склизкого зелёного желтка там не было.

— Мне нужна кисть побольше, — сказал мальчик по имени Де Уэйн Харрис. Он стоял у самого верха картины, рисовал небо. — Или валик. Неба слишком много. Мы тут заночуем.

Обе руки Де Уэйна были в голубой краске. И несколько пятен на футболке.

— Думаешь, стоит добавить немного облаков? — спросила Алиша Вакс. — А то странно, когда все одним цветом.

— Ты никогда не слышала о голубом небе? — спросил её Де Уэйн.

— Облака рисовать трудно, — заявил Итан Садовский. — Они будут похожи на белые пятна, которые мы забыли закрасить.

— У меня есть доказательство, что ящер вылупился, — сказала я Адель. Я бросила кисть и достала телефон. Я нашла первые фотографии Таса, и показала их Адель.

Адель прищурилась, глядя на экран. Затем она рассмеялась.

— Это не ящерица. Этодохлый шмель.

— Дайте посмотреть, — сказал Итан, вырывая телефон из руки. Он долго рассматривал фото. — Твой кот срыгнул клок шерсти?

Все засмеялись. Все передавали друг другу телефон. Все согласились, что существо на фото не похоже на новорождённого ящера.

— Вы ошибаетесь. Это очень редкая ящерица, — сказала я им. — Так она выглядела, когда появилась из яйца. Но она уже сбрасывает всю эту густую шерстку.

Адель фыркнула.

— Твой папа такой странный. Я не могла поверить, что он сыграл над нами такую ужасную шутку. Откуда тебе знать, что эта ящерица — не очередная его шутка?

— Это для него слишком важно, чтобы так шутить, — сказала я. — Ты бы видела, какой он счастливый.

Адель уставилась на мой перевязанный палец.

— А с пальцем что?

— Ничего, — сказала я. — Бумагой порезалась. — Я ни за что не собиралась ей говорить, что меня укусила ящерица. Адель только фыркнет и скажет, что это укус клопа.

Нужно было работать. Белой кистью Адель рисовала песок. Я подвинула поближе банку зелёной краски и начала разукрашивать один кактус.

Так, стоя на четвереньках, мы немного поработали в тишине. Единственными звуками были шум рассекающих воздух кисточек и их скрип по огромным полотнам.

Через какое-то время я почувствовала на лице капельки пота.

— Жарко тут, — проворчала я.

Под рубашкой с длинным рукавом на мне была надета майка. Я поднялась на колени и сняла рубашку через голову. Я бросила её рядом, поправила лямки майки и повернулась обратно разукрашивать кактусы.

Я остановилась, когда увидела, что на меня пялится Адель.

— Что такое? — сказала я.

— Кейт, твои руки! — воскликнула она. — Ты что, набила тату?

Все остальные перестали работать и обратили взгляды на меня.

Я нахмурилась.

— Что? О чём ты говоришь?

— Ты это нарисовала? — спросила Алиша.

Я опустила глаза на руки. И удивлённо вдохнула. Маленькие линии на моих руках... Линии, что странно соединялись в форме ромбов...

Они поднимались вверх по обеим рукам.

— Это просто сухость кожи, — сказала я всем. — У меня очень сухая кожа.

Я обратно надела рубашку с рукавом. Я не хотела, чтобы остаток ночи они пялились на мои руки.

Дома я поспешила в мамину ванную и нашла её баночки и тюбики увлажняющих кремов. Следующие несколько дней я практически купалась в лосьонах для кожи. Я смазывала обе руки утром и после ужина.

Хотела бы, чтобы мама вернулась домой из Шейкер Хайтс и помогла мне с моей проблемной кожей. Я продолжала проверять в зеркало, и, кажется, улучшений не было. Тонкие линии по всем моим рукам не исчезали.

Я хотела рассказать о них папе. Но он был так поглощён ящером и взволнован от предстоящей конференции, на которой он должен был рассказать миру о ящере, что я решила не волновать его по этому поводу.

В воскресенье репортёры объявились почти в полдень. Папа попросил их ждать в гостиной, пока не соберутся все. Им нужно было подождать, пока не приедут операторы.

Я насчитала как минимум дюжину репортёров и почти столько же фотографов. Папа был прав. Тасманийский очковый ящер в Мидл Виллидж действительно был сенсацией.

Мама должна была вернуться домой этим вечером. Мне было жаль, что ей придётся пропустить конференцию. Ей бы понравилась вся эта суета. Два или три раза я разговаривала с ней через FaceTime, и она была так же сильно рада ящеру, как и папа.

Я помогала раздавать репортёрам и фотографам колу и холодный чай. Тем временем, Фредди разгуливал по комнате, говоря всем, что это он дал ящеру имя.

Когда он сказал, что звали ящера Тас, они все выглядели разочарованно. То есть, это было не очень интересное имя. О чём только Фредди думал?

Когда все репортёры и операторы приехали, папа провёл их по коридору в комнату с ящером.

Конечно, как только они вошли, Скрип просто обезумел. Он издавал такие оглушительные вопли и крики, что папе пришлось посадить его в клетку и накрыть. — Боюсь, он хочет быть звездой, — сказал всем папа.

— Красивая птица, — сказал один из репортёров. — Вы не боитесь, что она попытается съесть ящера?

Папа обескураженно уставился на репортёра. Я поняла, что это ему и в голову не приходило.

Он провёл всех к специально установленному стеклянному аквариуму, чтобы показать ящера. Аквариум был шести футов в длину и занимал почти всю поверхность стола.

На дне аквариума из песка торчали зелёные растения с листьями. В дальнем конце стояла большая миска с водой.

Едва увидев Таса, репортёры разохались и разохались. Операторы начали рьяно расставлять освещение и готовить камеры.

Тас стоял посреди аквариума, на всех поглядывая. Он уже достиг размеров хомяка, а кожа его изменилась. Она была зелёная и бугорчатая, и со своими тонкими лапами и выступающей головой он больше не походил на жука. Он был очень похож на ящера.

Его малюсенькие чёрные глазки превратились в большие жёлтые глаза. У него был пурпурный язык, который он то и дело высовывал. А из дёсен торчало несколько заострённых зубов.

Я отошла назад, когда одна из репортёров подняла микрофон и приготовилась интервьюировать папу. Она отмахнула назад белокурые волосы и прокашлялась:

— Начинайте, когда будет удобно, — сказала она папе.

— А меня покажут по телеку? — спросил её Фредди. — Ведь это я дал ему имя.

— Может, позже, — сказала она и жестом велела ему отойти.

В стеклянном аквариуме Тас отошел к дальнему концу и начал жевать мёртвого сверчка. Защёлкали камеры. Кто-то прошептал:

— М-м-м-м-м. Выглядит аппетитно.

— Вы можете сказать, насколько большим вырастет ящер? — спросила у папы репортёр.

— Думаю, он будет довольно большой, — ответил папа. — Вероятно, три или четыре фута в длину. Он должен весить как минимум семьдесят или восемьдесят футов.

— И он питается только мухами, сверчками и другими насекомыми?

Папа кивнул:

— Он плотоядный. Ест мясо. Но при таких размерах он, думаю, пока что может справиться только с насекомыми.

Репортёр задала папе ещё один вопрос, но я его не слышала. Я почувствовала дуновение ветра. И я услышала тихое жужжание где-то за комнатой.

Я вышла в коридор и увидела двух мух, летающих друг возле друга. Я почувствовала очередное дуновение ветра.

Я развернулась и направилась к выходу. И почти дошла до гостиной, когда увидела, в чем дело. Репортёры оставили входную дверь открытой настежь.

Стоял солнечный весенний денёк, но очень ветреный. Я поспешила к двери и закрыла её толчком. Затем я развернулась к коридору и хотела вернуться на пресс-конференцию.

Но я остановилась, увидев, что через открытую дверь влетело ещё больше мух. Я видела, как папа жирных мух носилась у зеркала над камином.

Задержав дыхание, я к ним подкралась. Я резко выставила руки и поймала обеих. Затем я жадно засунула их в рот и прожевала.

— Кейт... ты что только что сделала? — закричал голос.

Я отпрянула от зеркала и увидела Фредди, стоящего прямо передо мной со растерянным видом.

Дыхание застряло у меня в горле. Он видел меня.

— Кейт... — начал он. Он указал на зеркало.

Мысли носились у меня в голове.

Я выдавила смешок.

— Ха-ха. Я тебя обдурила?

Он моргнул.

— Что? Обдурила?

— Ты не единственный шутник в семье, — сказала я, подбоченившись. — Ты и правда подумал, что я съела этих мух?

— Ну... да, — сказал он.

Я снова засмеялась.

— Я видела, что ты там стоишь, — солгала я. — Я это сделала, чтобы тебе стало противно.

— Это извращение, — сказал он. Он толкнул меня обратно к камину.

— Нормальная шутка, — сказала я. А в голове тем временем повторялись слова: «Кейт, ты что только что сделала? Кейт, ты и правда съела двух мух?»

— Мы пропустим пресс-конференцию, — сказал Фредди. Он ухмыльнулся. — Меня покажут в новостях.

— Они не про тебя, — сказала я. — Они про ящера. Вообще ничего тут не про тебя.

Он показал мне язык и побежал к ящеру.

Я глубоко вздохнула. Я странно себя чувствовала. Наверное, у меня немного кружилась голова. Из дальнего конца коридора

доносились голоса.

Над диваном жужжала жирная муха.

Я взглянула на гостиную. Рядом никого.

Я проверила коридор. Там никого. Никто не видит.

Я кинулась к мухе, прихлопнула её руками и засунула в рот.

Три мухи. Я только что съела трёх мух.

Я застонала — но умолкла, заметив какое-то движение у ножки дивана.

Я присела и увидела. Малюсенькая мышка.

Могу ли я её поймать?

У меня заурчал желудок.

Нет. Нет, Кейт. Нет.

Я решила оставить её на потом.

Я понимала, что у меня проблема. Не то, чтобы я потеряла рассудок. Я всё ещё была собой. Я всё ещё была Кейт Липтон, и я знала, что у меня большая, ужасная проблема.

Я до сих пор ощущала вкус мух на языке. У них немного металлический привкус. Немного горький, но не слишком противный.

Я съела мух.

Я съела мух и мне понравилось.

Мне нужно было рассказать папе. Мама будет дома только через несколько часов. Я отчаянно в нём нуждалась, прямо сейчас.

Но что я могла сделать? В доме было полно репортёров, и камер, и интервьюеров.

Я не могла просто ворваться и сказать:

«Пап, у меня проблема. Моя кожа становится морщинистой и бугорчатой. И я поймала пару мух и съела их. И я увидела мышь, и захотела из-за неё есть».

Я стояла посреди гостиной. Комната вертелась. Вокруг меня вертелся весь дом, носился, как мои безумные мысли.

Из комнаты с ящером послышался смех. Мужчина задавал папе разные вопросы.

Я не могла туда вернуться. Я ощущала себя слишком странно. Я боялась того, что я могла сказать или сделать. Я не хотела расстраивать папу. Это был его важный день. День показать миру редкую, ценную ящерицу и объявить его грандиозные планы на достопримечательность с ящерицами в Мидл-Виллидж.

Он был так горд и счастлив. Я не могла ему это испортить. Моей проблеме придётся подождать.

Пошатываясь, я направилась к коридору. Я встряхнула головой, чтобы всё перестало кружиться. Я дошла до лестницы. Я не совсем понимала, куда я иду. К себе в комнату?

Да. Я поднялась по лестнице и прошла по коридору в комнату. И

прежде чем я поняла, я уже снимала с себя одежду. И направлялась в душ.

Да. Душ. Долгий, горячий душ. Не думая о нём, я поняла, что это именно то, что мне нужно. Мне нужно было смыть всю странность горячей водой. Смыть всю сухость с моей кожи. Долгий душ, который смывает все мои страшные мысли и голод.

Горячая вода барабанила по моему телу. Я закрыла глаза и позволила воде унести себя, утешить, успокоить, вернуть мне ощущение себя.

Вокруг поднимался пар. Мне хотелось в нём скрыться. Позволить ему меня окружить и спрятать, чтобы я была в безопасности.

Я не знаю, сколько я там простояла. Когда я выключила воду и вышла из-под душа, вся ванная комната была окутана паром.

Я подошла к зеркалу. Покрытому паром. Я взяла полотенце и протёрла стекло, пока чётко себя в нём не увидела.

И вскрикнула.

Теперь крестообразные линии покрывали мои плечи. Мои руки... и плечи. Странные узоры на коже распространялись по всему телу.

Душ совершенно не помог. Я знала, что происходит. Это было слишком ужасающе, чтобы произносить. Но я знала...

Внезапно я кое-что вспомнила. Мысль пронеслась в голове. Такая очевидная.

Я обмоталась в полотенце и покрепче его затянула. Затем я вернулась в комнату и подошла к комоду.

Кажется, это в нижнем ящике комода.

Там я оставляю все вещи, которые хочу сохранить, но знаю, что никогда ими не воспользуюсь.

Я выдвинула ящик. Он был набит старыми футболками, жилетками, спортивными штанами, и старыми аксессуарами в красной деревянной коробке, и другими коробками с неизвестным мне содержимым... и... да. Маленький кошелёк.

Я вытянула кошелёк из-под груды серебристых ремней. Мне

пришлось развязать спутанные ремешки. Затем я сильно потянула и достала кошелёк.

Я на него уставилась. Маленький жёлто-коричневый кошелёк, который несколько лет назад дала мне бабушка. Я провела по нему пальцами. Похоже на кожу, но с вшитым рисунком. Повсюду перекрещиваются тонкие линии.

Как на моей коже. Такой же рисунок. Такой же.

Руки у меня дрожали, пока я открывала кошелёк. Внутри я нашла ярлычок и поднесла его близко к глазам, чтобы прочесть.

Да. Да. Я знала.

Кошелёк сделан из кожи ящерицы.

Я сжимала маленькую сумочку в дрожащих руках. Я тёрла пальцами кожу ящера. Затем я провела правой рукой по левой.

Моя рука из кожи ящера.

Тот маленький ящер меня укусил, и теперь у меня менялась кожа, и я ела мух. Ела мух, и мне нравилось. Я превращалась в ящерицу.

Мне нужно было сказать папе. Но что он мог сделать? Он не был учёным или доктором. У него просто была безумная идея начать коллекционировать ящериц.

— Он отведёт меня к доктору Уилкинсону, — сказала я вслух. — Доктор Уилкинсон сможет мне помочь.

Моё сердце билось как сумасшедшее. Я бросила маленький кошелёк на кровать. Потом я натянула джинсы и свитер и поспешила вниз.

— Пап! Ты где? — закричала я. — Мне нужно тебе кое-что сказать. Пап?

Я пробежала по гостиной в задней части дома. Все репортёры ушли. В доме было тихо. Единственные звуки, что я слышала, были тиканье дедушкиных часов у камина и топот моих босых ног по полу.

— Пап? Ты где?

Мне нужно было показать ему мою кожу ящерицы. Я должна была рассказать ему о мухах, которых я съела. С каждым шагом я сходила с ума всё больше. Я начала задыхаться. словно моё сердце подпрыгнуло к горлу.

— Пап?

Я заглянула на кухню. Папы ни следа. Я поняла, что он наверняка всё ещё в комнате с ящером.

Я развернулась и побежала по коридору. Дверь была закрыта. Я слышала, как внутри комнаты кричит ара. Больше никаких голосов.

Я схватилась за ручку и потянула дверь.

— Пап?

Я закричала, когда увидела на столе гигантское существо. Чешуйчатый зелёный ящер. Как минимум шесть футов в высоту. Существо стояло на двух задних лапах и толстом хвосте.

Оно медленно повернулось на мой голос. Оно опустило свою бородавчатую голову и наблюдало. Оно меня видело. Оно меня увидело и выпустило свой длинный пурпурный язык.

Я снова закричала.

Существо снова и снова выпускало в мою сторону свой язык.

Я развернулась. Я попыталась побежать, но в панике врезалась в дверь. Чтобы удержаться на месте, я схватилась за дверь.

Дыша как животное, я оглянулась — и увидела, как ящер сделал в мою сторону большой шаг.

— Не-е-е-ет! — разнёсся по коридору мой крик.

Я снова споткнулась. Удержала равновесие. И резко рванула, шлёпая босыми ногами по полу.

— Папа! Где ты? Папа? — кричала я запыхавшись.

Он наверху в своей комнате? Он ушёл с репортёрами? Нет. Он не ушёл бы, не предупредив нас с Фредди.

Я схватилась за поручень и подтянула себя по лестнице вверх. Дверь в его комнату была открыта. Я ворвалась внутрь:

— Папа?

Никаких следов. Кровать была заправлена. На стуле у кровати лежали брошенные рубашки.

Я глубоко с содроганием вздохнула. Я вернулась к лестнице. Я посмотрела вниз через перила. Огромного ящера не видно. Он меня где-то ждал? Прятался за диваном? Выжидал, чтобы атаковать?

Затем я заметила папу у входной двери. Он был одет в деловой костюм. Он поставил у двери чемодан.

— Папа! — крикнула я. И поспешила вниз.

— Кейт, я тебя искал, — сказал он. — Мне надо уйти. Наклюнулось кое-что замечательное, и мне надо срочно бежать.

— Пап, послушай! — закричала я. — Ящер, папа. Огромный ящер! — Я яростно указала на комнату ящера.

На его лице отразилась тревога. Он взял меня за плечи:

— Спокойно. Дыши. Спокойно. Да ты дрожишь!

— Послушай меня, — настаивала я. — В доме гигантский ящер.

То есть, гигантский. В комнате ящера. Скорее!

Папа меня придержал.

— Подожди. Подожди. Я совсем недавно был в комнате с ящером. Я не видел никакого гигантского ящера.

— Не стой просто так! — закричала я. Я вырвалась, развернулась и побежала. — Пошли! Скорее! — закричала я.

Я неслась к комнате с ящером. Я знала, что оставила дверь открытой, когда убегала от монстра-ящера. Но теперь дверь была закрыта.

Папа меня нагнал. Глядя на меня, он прищурился, будто решая, сошла я с ума или нет. Затем он открыл дверь, и мы вдвоём заглянули в комнату.

— Вон он! — крикнула я.

Но я смотрела не на гигантского ящера. Я смотрела на большую зелёную мусорную корзину на столе.

Папа не сказал ни слова, но его глаза всё ещё меня изучали. Мы вошли в комнату.

— По-моему, похоже на мусорку, — пробормотал он.

— Но... Но... — забормотала я.

Ара взволнованно приседал на своей жерди. Тасманийский очковый ящер сидел в углу стеклянного аквариума. Его голова была поднята, но глаза закрыты. Пока мы подходили ближе, он оставался недвижим. Спал, стоя на лапах.

— Я... Я не сумасшедшая, — начала запинаться я. — Я видела не мусорку. Это был огромный ящер, он стоял на задних лапах и хотел за мной погнаться.

Папа повернулся и осмотрел комнату.

— Здесь негде прятаться гигантскому ящеру, — сказал он. — Кейт, может, твоё воображение... — его голос стих. Он всматривался в корзину.

— Я не знаю, что и думать, — призналась я. — Я... не понимаю.

Я вернулась с ним в гостиную.

— Пап, зачем тебе чемодан?

— Я же сказал, наклюнулось кое-что очень замечательное. И мне нужно быстро съездить в Торонто.

У меня отвалилась челюсть:

— Что? В Торонто?

Он кивнул.

— У них для нас есть ящерица. Они её только что получили. Её там держат на таможне. Я должен показать им бумаги, чтобы можно было привезти её домой.

— Но, пап... — начала я.

— Миссис Оверман придёт посидеть с тобой и Фредди. Мне очень жаль, что приходится уезжать раньше, чем вернулась мама. Но ваша тётя Бетани больна. Поэтому мама ещё на несколько дней задержится в Шейкер-Хайтс.

Я застонала.

— О не-е-ет. Только не миссис Оверман. Она весь день сидит и вяжет, и засыпает с открытым ртом, и квакает, будто лягушка.

— Это хорошо, — сказал папа. — Значит, она вам не помешает. — Он выглянул в окно. — Моё такси уже здесь.

Он начал поднимать чемодан, но я схватила его за руку.

— Пап, мне надо с тобой поговорить. Моя кожа...

На улице просигналил таксист.

— Я уверен, что миссис Оверман сможет помочь с твоей проблемной кожей, — сказал папа. Он поцеловал меня в лоб.

— Папа, это важно! — закричала я.

— Напиши мне, хорошо? — ответил он. Такси снова прогудело. — Я сильно опаздываю. Напиши мне, Кейт. Я постараюсь позвонить из Торонто.

И он вышел за дверь. Я наблюдала, как он бежал к такси.

— Папа ушёл? — спросил Фредди. Он почти спустился с лестницы.

— Да. Его ждало такси, — сказала я.

Выражение лица Фредди изменилось.

— Он забыл попрощаться.

— Ему пришлось спешить в Торонто, — объяснила я. — Он сказал, что там его ждёт ящерица.

Фредди кивнул. Затем он прищурился, глядя на меня.

— Эй, как ты это сделала со своими ногтями? Круто!

— Что? — я подняла руки и пригляделась к ногтям. Все ногти изменили форму. Теперь они стали заострёнными. Как когти ящера.

— Гр-р-р-р, — зарычала я на Фредди и покачала руками вверх-вниз, притворяясь, что царапаю его. — Они пришли набором, — солгала я. — Круто, да?

— Круто, — сказал он. Он развернулся, чтобы вернуться к себе в комнату.

— Подожди, Фредди, не уходи, — сказала я.

Он развернулся обратно:

— У меня там игра.

— Подождёт, — сказала я. Я подошла к нему ближе. — Послушай меня. Мы здесь не в безопасности.

Он ухмыльнулся.

— Я понял. Папа ушёл, и ты пытаешься меня напугать?

Я покачала головой:

— Нет. Послушай. Я серьёзно. Я что-то видела. В инкубаторной. Клянусь. Это была огромная ящерица. Как минимум шесть футов ростом. Она стояла на задних лапах. Она повернулась и увидела меня.

Фредди засмеялся:

— Ну уж нет, Кейт. Я не поведусь. Думаешь, я тупой?

Я стукнула кулаком в перила:

— Я серьёзно! — закричала я. — Я не шучу. Где-то в этом доме прячется существо. Здесь небезопасно.

Я сделала ещё один шаг в его сторону.

— Прекрати смеяться, Фредди. Это не шутка. Если не прекратишь смеяться, ты пожалеешь!

Его усмешка исчезла. Он присматривался к моему лицу. Я видела, что он о чём-то задумался.

— Шестифутовая ящерица? — наконец сказал он. — Её звали Годзилла? — и он снова разразился смехом.

Мне хотелось его задушить. Но вместо этого я развернулась, сжимая руки в кулаки.

— Ты же знаешь, это наверняка был папа, — сказал Фредди. — Папа со своими шутками. Наверное, он примерял новый костюм на Хэллоуин.

Я повернулась и нахмурилась:

— На дворе май. До Хэллоуина ещё долго.

— Папу это не остановит, — заявил он.

Я это проигнорировала.

— Папа мне поверил, — сказала я. Это было не совсем правда. Но я была в отчаянии.

— Он поэтому уехал? — сказал Фредди.

— Давай же. Помоги её найти, — сказала я. — Она может прятаться где угодно. В этом старом доме так много пустых комнат. Пошли поищем, идёт?

Он покачал головой:

— Это вряд ли.

Он развернулся и начал подниматься по лестнице.

— Удачи с поисками.

Мелкий паразит.

— Надеюсь, ящер тебя сожрёт! — закричала я. — Ты, насекомое!

Конечно же, он засмеялся.

Я знала, что гигантский ящер где-то прячется. Я знала, что мне не показалось.

Я начала поиски с инкубаторной. Вернулось ли существо туда, где я его видела? Нет. Скрип спал на жёрдочке. Тасманийский очковый ящер тоже спал, прямо на брюшке в своём аквариуме. Ни следа вторжения.

В горле у меня пересохло, а живот сжимало от страха. Мне не очень-то хотелось найти гигантского ящера. Что я буду делать, если найду его?

Но мне надо было знать, затаился ли он где-нибудь. Поджидает темноты, чтобы он мог к нам подкрасться. Поджидает, чтобы напрыгнуть. Поджидает, чтобы сожрать меня и Фредди.

Я заставила себя осмотреть дальний коридор. Именно этой частью дома мы не пользовались. В некоторых комнатах стояли картонные коробки и старая мебель, накрытая простынями. Некоторые комнаты были пустые, под толстым слоем пыли.

Подсвечивая телефоном, словно фонариком, я заглядывала в каждую комнату. В большинстве из них свет не работал. Под ногами трещали старые половицы.

Я пугалась каждого звука. Моё сердце замирало от каждого скрипа, каждого треска, каждого удара. Я быстро переходила из комнаты в комнату, подсвечивая фонариком, всматриваясь, выискивая любое движение.

Я закричала, когда две мыши пробежали по моим ногам и помчались в пустую спальню. Я чуть не уронила телефон. К ому времени, как я добралась до конца коридора, у меня дрожали зубы.

— Эй, ящер... ты где? — позвала я дрожащим в запылённом воздухе голосом.

Я начала возвращаться в переднюю часть дома. Но я остановилась, резко вдохнув, когда услышала наверху шум. Я задержала дыхание. И слушала.

И я услышала тихий стук. Скрип половицы. И затем ещё один стук и скрип.

Всё моё тело содрогнулось. Шаги с лестницы. Тихие шаги на лестнице в конце коридора.

Я нашла его, дошло до меня.

Я знала, что найду огромное, уродливое существо. Я отчаянно хотела его найти. Чтобы доказать, что я его не выдумала. Но теперь я лишь хотела от него спрятаться. Мои ноги дрожали. Я пыталась напрячь своё тело. Я приготовилась бежать.

Ещё шаги. Ещё скрипы и стоны.

Затем, прежде чем я успела пошевелиться, оно выскользнуло из тени — и я закричала.

— Кейт! Вот ты где! — позвал голос.

Дрожа, я в изумлении таращилась на большое существо.

Нет. Не существо. Совсем не существо.

Крупная, белокурая женщина в мешковатом сером свитере.

— Миссис Оверман? — выдавила я высоким визжащим голосом. — Я...

— Мне показалось, я тебя слышала, — сказала она. — Что ты здесь делаешь? Почему ты кричала?

— Э-эм... просто так. Я просто кое-что искала, и меня напугали мыши, — заикалась я. Выдохнув с облегчением, я прошла к ней по коридору.

Когда она улыбнулась, вокруг её глаз показались сотни маленьких морщинок. Они внезапно напомнили мне о коже ящера.

— Я сама вошла, — сказала она. — Но я не могла найти ни тебя, ни твоего брата.

— Фредди наверху, в своей комнате, — сказала я. Я повела её на кухню. — Как поживаете, миссис Оверман?

Она вздохнула:

— Потихонечку. Твой папа позвонил мне прямо перед отъездом. Хорошо, что у меня не было планов.

— Да, хорошо, — сказала я. — Ему пришлось уехать в Торонто за ящерицей.

На секунду её глаза расширились от удивления.

— Иногда у Барри появляются престранные идеи, да?

Мне пришлось согласиться, и я засмеялась. Но затем я представила шестифутовую ящерицу, стоящую у стола в инкубаторной. И поёжилась.

Я разглядывала чешуйчатую кожу на своих руках, плечах. Свои загнутые ногти.

Как я сегодня усну? Как вообще теперь смогу спать?

* * *

Я проворочалась всю ночь. Каждый раз, когда я проваливалась в сон, меня будоражил какой-нибудь шум, или порыв ветра, развевающий шторы в моей комнате, или скрип, или стоны скрипящего старого дома.

Из окна мне на кровать лился луч лунного света, освещая мою потрескавшуюся кожу ящерицы. Я подавила желание разрыдаться.

Как мне в таком виде ходить в школу? Как сделать так, чтобы другие не заметили, что я превращаюсь в чудо природы? Что если я у всех на виду съем хомяка или проглочу насекомых?

А потом я вспомнила, что сегодня мисс Арнольд проводит тест. И я обещала помочь доделать декорации к пьесе. А ещё после обеда доклад по книге.

Я не могла оставаться дома. Мне хотелось спрятаться. Навсегда. Но мне нужно было идти. Чтобы спрятать мои руки ящерицы, я натянула рубашку с длинным рукавом.

Стоял жаркий день. В ясном голубом небе ослепительно сияло солнце. Пройдя три квартала, я уже вспотела.

Я вошла в класс мисс Арнольд, держа руки в карманах джинс. С моими заострёнными ногтями и морщинистой кожей я выглядела словно из фильма ужасов.

Я плюхнулась на моё место. К счастью оно было в последнем ряду.

Из открытого окна меня омывал солнечный свет. Солнце согревало кожу. Я повернулась к окну и закрыла глаза. Я представляла, как выползаю из окна и животом ложусь на траву. Греясь на солнышке. Позволяя ему согревать мне спинку. Я хотела, чтобы солнце стало только моим на много часов.

Я почувствовала чью-то руку на своей. От удивления я вздрогнула. Я обернулась, а на меня пялилась Адель. Почти на каждом уроке она сидит возле меня. Она правда считает себя моей подругой. Либо она думает, что так ей проще со мной соревноваться

во всём, что мы делаем.

Она потрогала рукав моей рубашки двумя пальцами.

— Длинные рукава в такой жаркий день?

Я кивнула.

— Мамы нет дома. Никто не занимался стиркой. В моём шкафу была только эта рубашка.

— Её уже долго нет, — прошептала Адель. — Твои родители развелись, что ли?

— Вовсе нет, — выпалила я. Адель постоянно пыталась распустить сплетни. От неё вечно одни проблемы.

— Кейт, может, ты меня слушаешь? — позвала мисс Арнольд.

На меня обернулись посмотреть все дети. Я чувствовала, как к лицу приливает кровь, и знала, что краснею.

— Простите, — пробормотала я.

Мисс Арнольд присела на край своего стола, задев кофейную чашку. Она успела её словить прежде, чем та упала, и поставила обратно на стол.

— Хорошая реакция! — крикнул Айра Форрест, и все захлопали.

Мисс Арнольд улыбнулась.

— Сегодня у всех такое хорошее настроение, — сказала она. — Наверное, это из-за солнышка.

У меня не хорошее, подумала я. Я напугана и напряжена, и думаю только о том, что со мной будет дальше. И кто смог бы мне помочь.

— У Адель появилась хорошая идея, которой я хочу с вами поделиться, — сказала мисс Арнольд. — А вообще-то, Адель, почему бы тебе самой нам не рассказать?

— Хорошо, — согласилась Адель. Она вскочила на ноги. Одной рукой она отмахнула волосы. — Моя идея такова. Думаю, мы все должны принести свои детские фотографии. Мы можем сделать целый альбом в Instagram. Понимаете? Мы загрузим туда фото, как мы выглядим сейчас, а рядом фото из нашего детства.

Никто не сказал ни слова. Адель выглядела разочарованной. А

чего она ожидала? Она думала, мы все зааплодируем такой идее? Она плюхнулась обратно на свой стул.

— Мне нравится эта идея, — сказала мисс Арнольд. — Думаю, это было бы очень забавно. Попросите родителей найти вам пару детских фотографий, которые могут нам подойти. Получится прекрасный школьный альбом.

Мисс Арнольд сделала большой глоток кофе.

— И спасибо тебе, Адель, за такую блестящую идею.

Адель слегка кивнула головой. На её лице сияла широкая улыбка. Ей нравилось получать похвалы от учителей. Она обернулась ко мне с выражением победы на лице.

Я могла прочесть её мысли: «Я победила, Кейт. Одно очко в мою пользу».

Ерунда. Мне предстояло гораздо худшее.

— Итак, — сказала мисс Арнольд. — Можете идти. Переодевайтесь перед физкультурой.

О нет. Физкультура. Если я переоденусь в шорты и футболку, все увидят, что со мной происходит.

Нет. Ни за что. Ни за что.

Все ребята поспешили переодеваться в раздевалку. Я задержалась в зале, пока не появилась мисс Бейлор, учительница физкультуры.

Она начала натягивать волейбольную сетку. Я подошла к ней поговорить.

Мисс Бейлор не похожа на обычную учительницу физкультуры. Она невысокая, миниатюрная. У неё длинные чёрные волосы, которые она заплетает в косу. Она очень красивая, с высокими скулами и большими карими глазами.

— Мисс Бейлор, извините, пожалуйста, — сказала я. — Я взяла форму постирать домой и забыла её принести.

Она пожала узкими плечами. В своём малиновом спортивном костюме она выглядела совсем маленькой.

— Не страшно, Кейт, — сказала она. — Сегодня мы играем в волейбол. Ты в кроссовках, да? Значит, можешь поиграть в своей обычной одежде.

Я почувствовала такое облегчение, что хотелось её обнять.

Спустя несколько минут собрался весь класс, готовый играть. Ко мне подбежала Адель. Её волосы были затянуты голубой резинкой. На ней была надета бледно-голубая футболка, заправленная в белые теннисные шорты.

Конечно же, ей нужно было подоставать меня расспросами:

— Чего ты не переоделась?

Я повторила свою ложь:

— Я взяла форму домой постирать и забыла принести.

Она усмехнулась.

— Странная ты, Кейт. Кто вообще стирает свою спортивную

форму? — она обернулась и закричала кучке ребят. — Эй, вы знали, что Кейт заиклена на чистоте?

Я просто чудила, подумала я с горечью. Я крепко сжимала руки. Я надеялась, что никто не заметит загнутые ногти.

Чудила. Чудила. Чудила.

Игра прошла довольно нормально. Я старалась держаться подальше от тех мест, куда летел мяч. Адель всё прыгала передо мной, отбивая мяч, который летел ко мне. Но мне было всё равно. Сегодня она могла быть звездой. Как я могла думать о волейболе, когда я превращалась в ящерицу?

Я с облегчением выдохнула, когда мисс Бейлор просигналила свистком об окончании игры. Я видела, как все побежали трусцой в раздевалку, мыться и переодеваться.

Я пережила игру. И никто не заметил мою кожу и ногти.

Мне было хорошо всего несколько секунд. Затем начались проблемы.

Мисс Бейлор унесла мяч в шкаф с инвентарём. Затем помахала мне:

— В следующий раз не забудь свою форму, Кейт, — крикнула она и вышла из спортзала.

Я осталась стоять одна. Сквозь высокие окна светило солнце. Блестящий пол отражал яркий свет.

Внезапно меня охватило странное чувство. Меня бросило в дрожь. По коже побежали мурашки.

Я опустилась на колени. Поставила руки перед собой.

Что я делаю?

Кейт, остановись. Остановись. Не делай этого.

Но я не могла себя контролировать. Медленно, я начала ползти на четвереньках по полу.

Пока я ползла, я качала головой из стороны в сторону. Я хлестнула языком. Это был мой язык? Он казался длиннее. Темнее.

Пол был тёплым. Я подняла голову к окнам и позволила яркому свету разлиться вокруг меня. Я закрыла глаза и наслаждалась чувству, распространяющемуся по моей спине.

Затем я поползала ещё немного, медленно, наслаждаясь теплом из окон наверху. Возле стены на полу я заметила что-то маленькое и чёрное.

Я подползла поближе и увидела букашку — кажется, жука. Он лежал на спине, неистово шевеля лапами, беспомощно пытаюсь перевернуться.

Я наблюдала, как борется толстое насекомое. Затем я щёлкнула языком, словила его, и затащила в рот. Он был кислый, и я чувствовала как маленькие лапки трутся о нёбо, пока я его жуу.

С треском я раскусила его панцирь. Я его проглотила. На языке осталось кислое послевкусие. Оно быстро прошло. Я опустила голову и покачала ей из стороны в сторону, ища ещё жуков.

Я развернулась и поползла к выходу из зала.

Мне нужно встать. Мне нужно идти. Бороться с этим бредовым порывом.

Мысли носились в голове, пока моя человеческая сущность пыталась взять верх. Мне нужно было вернуть контроль.

Вставай, Кейт. Поднимайся на ноги. Ты можешь. Вставай.

Но моё тело не слушалось. Ноги отказывались меня поднимать. Я щёлкнула языком и медленно... медленно... как большая ящерица... поползла к выходу.

И тогда я увидела Адель.

Она уже переделась. Она держала перед собой телефон.

— Я снимаю видео, — сказала она. — Ползи дальше. Вот умора. Подожди, скоро все увидят.

Я замерла. Я съёжилась на четвереньках, голова низко, с высунутым языком.

Я смотрела на Адель. Наблюдала, как она смеётся. Как она держит телефон, объектив направлен на меня.

И внезапно она покраснела. Весь зал покраснел. Всё в моих глазах стало красным пятном.

Я щёлкнула зубами. Мне в голову пришла мысль: «Сделай ей больно».

Я повернулась. Я так низко нагнулась, что живот тёрся о пол.

Адель навела на меня телефон.

— Продолжай ползти! — крикнула она. — Мне нравится!

Ненадолго, подумала я.

Я подползла к ней, сначала медленно, затем набирая скорость. Она была тёмным силуэтом посреди алого мира. Словно нависшая надо мной чёрная тень, окружённая красным... моим красным гневом.

Я хлестнула в её сторону языком. Щёлкнула зубами.

Сделай ей больно... Сделай ей больно...

Адель засмеялась:

— Это бесценно! Здорово!

Я знала, что мне нужно бороться с гневом ящера. Я пыталась вернуть себе контроль. Я моргнула, пытаюсь убрать красное.

Но я не могла остановиться.

Сделай ей больно. Сделай ей больно.

Из моего рта вырвалось хриплое рычание. Я снова щёлкнула зубами.

Я напрягла ноги, готовясь к прыжку.

Я видела, как изменилось выражение лица Адель. Её улыбка

исчезла. Глаза выпучились.

— Эй! — крикнула она, опуская телефон. — Эй, остановись! Что ты делаешь?

Я подползла ближе. Я резко поднялась, быстрее, чем могла вообразить. Я подскочила, готовая атаковать.

— Не-е-е-ет! — крик Адель оглушил мои чувства.

Мы вдвоём просто стояли, тяжело дыша, глядя друг на друга в изумлении, наблюдая друг за другом. Мы обе задавали себе один и тот же вопрос: «Что сейчас произошло?»

— На секунду я подумала, что ты и правда сошла с ума, — сказала она.

Внезапно я почувствовала усталость. Я глубоко вздохнула.

Адель осторожно расслабилась. Она подняла телефон и выключила видео.

— Адель... — выдавила я, отыскав голос, мой человеческий голос. — Адель... что ты собираешься делать с этим видео? — спросила я.

— Выложить на YouTube, конечно же, — сказала она. — И на Facebook. Чтобы все видели.

Я уставилась на нее. Я обняла себя руками.

— Но... Адель...

Её глаза пристально глядели в мои.

— Кейт, зачем ты это делала? Зачем ты ползала по полу?

— Просто дурачилась, — сказала я. — Что-то вроде разминки, понимаешь? Это полезно для спины. Я просто разминала спину, пока всех ждала.

Она смотрела, не отвечая ни слова. Я понимала, что она мне не верит.

— Адель, — сказала я, переходя на шёпот. — Ты же не собираешься серьёзно загружать видео в интернет?

Она сжала мое запястье.

— Эй, я же твоя подруга, Кейт. Я бы не поступила так с

подругой?

После школы я встретила Фредди на школьном дворе, и мы вместе пошли домой. Я почти ничего не говорила. Я была слишком напугана и расстроена, чтобы притворяться, что всё хорошо.

Фредди был в восторге от некоторых сражений, произошедших во время Гражданской войны, которые они обсуждали на уроке. Он сказал, что хотел бы исследовать поля в поисках старых мечей или пушечных ядер. Он сказал, что мог бы собирать вещи времён Гражданской войны и продавать их за кучу денег на eBay.

— Не хочу тебя расстраивать, — сказала я. — Но я не думаю, что сражения проходили в Мидл-Виллидж.

— А может, и проходили, и я мог бы стать первым, кто нашёл предметы, — сказал он. Внезапно он очень напомнил мне папу. Безумные замыслы.

Дома я пошла в мою комнату и попыталась поработать над докладом. Но, конечно же, это было невозможно. Я пялилась на себя в зеркало. От меня действительно ничего не останется, и я навсегда превращусь в ящерицу?

Пока я, дрожа, гладела в зеркало, мне наконец-то пришло смс от папы. Он писал, что он ещё в Торонто. Заявить свои права на ящерицу оказалось проблематично. Он писал, что постарается вернуться домой как можно скорее, но точно приедет завтра, и мы поговорим.

Но до завтра казалось ещё так долго.

Выложит ли Адель то видео на YouTube? Если выложит, моей жизни к завтрашнему дню придёт конец.

Но, может, моей жизни всё равно придёт конец. Может, завтра начнётся моя жизнь в качестве ящерицы, и мне будет наплевать на видео из YouTube.

Я решила, что у меня нет выбора. Мне было нужно поделиться моей проблемой с миссис Оверман. Она должна отвезти меня к врачу. Какому-нибудь врачу.

Я побежала вниз.

— Миссис Оверман? Вы дома?

На столе я заметила её вязание. Похоже, она вязала очень длинный рукав. Видимо, она начинает с рукавов и затем вяжет туловище свитера.

Я повернулась, когда дверь в кухню открылась и вошла миссис Оверман, неся в руках тяжёлые пакеты с едой.

Я поспешила ей помочь. Один из тяжёлых пакетов я поставила на стол.

— Я подумала, что сегодня приготовлю курицу, — сказала она, поправляя обеими руками свои кучерявые белокурые волосы. — Пойдёт?

— Здорово, — сказала я. — Но... мне нужно с вами поговорить.

Она кивнула.

— Хорошо.

Я помогла ей распаковать пакеты. Она купила три упаковки куриной грудки и ножек. Она разложила их на столе.

— О, господи! — крикнула она. — Я оставила в магазине целый пакет. Мне нужно вернуться.

— Но миссис Оверман... — начала я.

Она вышла прежде, чем я успела её остановить.

— Скоро вернусь, — крикнула она.

Качая головой, я направилась в мою комнату. Но я остановилась у стола и уставилась на упаковки сырой курицы. У меня заурчал живот. Я и не подозревала, как я проголодалась.

Сырая курица пахлапряно и сладко. У меня потекли слюнки.

Что я делаю?

Я разорвала плёночную упаковку. Схватила куриную грудку и затолкала в рот. Она была как резиновая и склизкая. Тяжело жевалась.

Но я жадно её проглотила и потянулась за следующей.

По моему подборку и щекам стекал сок сырого мяса. Я оторвала кусок куриной ноги и быстро его прожевала, громко проглатывая и

откусывая ещё.

Я тяжело дышала, моя грудь вздымалась вверх-вниз, живот урчал. Я проглотила куриную ножку и бросила кость на стол.

Я потянулась к следующей ножке. Но она выскользнула из моей руки, когда я услышала громкий крик. Крик прямо за мной.

Я обернулась и увидела в дверях Фредди. В шоке он широко раскрыл глаза, и у него отвисла челюсть.

— На что уставился? — прорычала я сердитым, скрежещущим голосом из глубины горла.

— Кейт... Кейт..., — начал запинаться он. — Ты... ты ведёшь себя, как животное!

Из меня вырвался рёв. Я схватила куриную ножку и швырнула в него.

Фредди увернулся в сторону. Ножка врезалась в стену и соскользнула на пол.

Рева зверем, я оттолкнула себя от стола, расставила свои руки, словно готовясь его поймать, и побежала. Кинулась на Фредди.

Я схватила его прежде, чем он успел пошевелиться.

Когда я опустила голову и вцепилась зубами в его шею, он испуганно завизжал.

— Животное! Ты животное! — визжал Фредди.

Он вырвался и прижал руку к тому месту на шее, куда я его укусила. Он неистово замахнулся кулаком. Прوماхнулся. Снова закричал. И убежал из кухни.

— Животное! Бешеное животное!

Я наблюдала, как он спотыкался по лестнице. Слышала, как захлопнулась дверь в его комнату.

Я стояла в проёме, тяжело дыша, держась за дверь.

Я закрыла глаза и заставила своё тело перестать дрожать.

Дыши. Просто дыши, Кейт.

Во рту ещё чувствовался вкус сырой курицы. И снова я представила себе, как подскочила к брату и укусила его за шею.

Дыши. Просто дыши.

Медленно, я почувствовала, как прихожу в себя. Ранее мой желудок всё урчал, стонал и переваривал. Но он перестал, и теперь он был тяжёлый от всех проглоченных мной кусков курицы.

— Нужно извиниться перед Фредди, — сказала я вслух. Я направилась к его комнате, когда у меня зазвонил телефон. Я глянула на экран. Адель. Мне не хотелось отвечать. У меня не было для Адель настроения. Но мой палец провёл по экрану.

— Кейт, мне нужно одолжение, — сказала она.

— Одолжение?

— Мне нужно, чтобы ты завтра после школы забрала моих двух братьев и отвела их к зубному.

Я убрала телефон от уха и несколько секунд на него таращилась.

— Что, прости? Что тебе нужно?

— Просто мне не хочется, — ответила она.

— Но Адель..., — мой голос сошёл на визг. — Мне тоже не хочется. Я тебе не рабыня.

— Нет, рабыня, — сказала она тихо. — Ты забыла, что у меня есть то видео из спортзала? — она захихикала.

— То есть, если я не заберу твоих братьев... — мой голос пропал.

— Верно, — сказала она.

У меня пересохло во рту. Я в любую минуту могу стать ящерицей. И даже если найду способ это остановить, я буду вечной рабыней Адель.

У меня не было выбора.

— Хорошо, — ответила я. — Думаю, я могу это сделать. У меня ведь нет выбора, да?

— Совершенно верно.

Жаль, Адель не стоит сейчас напротив меня. Будь она здесь, я могла бы укусить её за шею.

Она отключилась. Я снова тяжело дышала, кипя от гнева. Я так сильно сжала телефон, что у меня заболела рука.

— Во всём виноват этот идиотский ящер, — сказала я себе. — Он разрушил мне жизнь.

Идиотский очковый ящер укусил меня в тот день, когда его привезли. И укус превращает меня в ящерицу.

Я бросилась в коридор к инкубаторной, махая кулаками. Я так разозлилась, что мне было тяжело дышать. Я ворвалась в комнату и заморгала, пока глаза не привыкли к яркому свету.

Скрип, большой ара, наблюдал за мной, пока я шагала к столу. Он крикнул разок, а затем проследил за мной глазами. Он взъерошил перья. Неожиданно он мной сильно заинтересовался.

Он чувствует, что я становлюсь ящерицей?

Животные чувствуют перемены.

Иногда они от этого волнуются. Нервничают.

Тасманийский очковый ящер не спал. Он поедал сверчка в дальнем углу аквариума. Когда я подошла ближе, он обернулся.

Я опустила голову и уставилась на него. Он глядел в ответ своими жуткими жёлтыми глазами. Интересно, ощущал ли он мой

гнев.

Ящер хлестнул в мою сторону языком. Я хлестнула в ответ. Он наклонил голову и уставился пристальной. Я сделала то же самое.

— Ненавижу тебя! — закричала я. — Слышишь? Ненавижу!

И затем... Я не совсем могу объяснить, почему я сделала то, что сделала. Моя злость просто вскипела, и я потеряла контроль.

Крышка аквариума была металлическая. Я её схватила, скинула с аквариума и швырнула через всю комнату.

Затем я потянулась внутрь обеими руками, обхватила ящера за туловище и подняла в воздух.

Мир снова покраснел. В глазах пульсировали волны красного.

— Ты портишь мне жизнь! — закричала я на него. И начала его трясти. Я трясла его сильно, и его голова шаталась туда-назад.

Я выкрикивала всю злость и трясла существо. Я полностью потеряла контроль. Я была не в себе. Я хотела его уничтожить.

И вдруг он повернул ко мне свою голову, клацнул челюстью и укусил меня за запястье.

— Айййй, — крикнула я от боли, прострелившей руку.

Кисть разжалась, и я выронила ящера.

С громким хлопком он ударился о пол. Он не двигался всего секунду или две. Потом его лапы зашевелились, и он побежал, направляясь к открытой двери.

Пусть убегает, горько подумала я. Кому какое дело?

Но в голову пришла важная мысль: «Моя проблема началась после укуса очкового ящера. Если доктор сможет назначить лечение... если доктор сможет найти способ вернуть мне прежнюю себя... Ему или ей, возможно, будет нужно посмотреть на ящера. Ящер может понадобиться докторам, чтобы те нашли лечение».

До меня дошло, что моя жизнь может зависеть от этого ящера. И пожалуйста, я позволяю ему удрать.

С криком я бросилась за ним. Ящер бежал по прямой, щёлкая лапами по плитке пола.

Я сделала глубокий вдох и бросилась на него. Я сильно ударилась о пол коленями. Я вытянула руки, и обхватила существо за толстое туловище.

Нет.

Упустила.

Ящер был на удивление шустрый. Мои руки словили не что иное, как воздух. Длинный хвост задел мои руки, когда ящер выбежал из комнаты.

Я подобралась к двери и увидела, как он удирает по коридору, набирая скорость, приближаясь к гостиной.

Я подумала, что никогда не смогу его поймать.

Что я натворила? Что я наделала?

— Он не сможет выбежать из дома, — сказала я себе. — Двери закрыты, а до окон ему не добраться.

Спотыкаясь, я вышла в коридор. Ноги были ватные. Я заставляла себя дышать. Меня никогда не охватывала такая паника. От неё мне хотелось свернуться калачиком, и спрятаться от мира, и больше никогда не шевелиться.

Но мне нужно было поймать этого ящера.

Войдя в гостиную, он попал в луч солнечного света. Он двигался так быстро по прямой линии, не ворочая головой, но смотря налево или направо.

Я бежала на цыпочках. Я хотела застать его врасплох.

Существо было в нескольких футах от зелёного кожаного дивана. Он хотел под ним спрятаться?

Я затаила дыхание, когда он внезапно остановился. Я видела, как он щёлкнул челюстью, услышала хруст. Он что-то поднял с пола.

Я взялась руками за дверь и присмотрелась к квадрату солнечного света. Ящер запрокинул голову. Я видела, как в его пасти что-то шевелилось и тряслось.

Мышь.

Ящер поймал мышь. Его зубы сомкнулись на туловище мыши. Маленькое создание пицало и визжало, пинаясь своими тощими лапками и яростно махая хвостом, пока ящер сжимал челюсть всё сильнее.

Я выдохнула. Вероятно, это был первый раз, когда я обрадовалась, что в нашем доме кишат мыши.

Я подкралась ближе.

Ящер сурово тряхнул головой. Мышь выдавила последний писк. Она провалилась в рот ящера. Уже не шевелясь. Мёртвая.

Ящер работал челюстями, разжёвывая свою добычу.

Я рванула вперёд. Я крепко обхватила ящера за туловище и

подняла с пола. От испуга он выпучил глаза. Он качнул головой из стороны в сторону — и выронил мёртвую мышь.

Я подняла ящера высоко перед собой, держа так крепко, как могла. Он щёлкнул зубами, но я держала его на приличном расстоянии. Ему меня не достать.

— Ты возвращаешься в свой аквариум, — сказала я ему. — Твои каникулы закончились.

Он снова клацнул челюстью. Мимо.

Я сделала несколько шагов в сторону коридора. И остановилась.

Я обернулась и посмотрела на пол. Мой желудок заурчал.

Мёртвая мышь выглядела весьма соблазнительно.

Может, я укушу разочек.

Придерживая ящера подмышкой, одной рукой я потянулась за мёртвой мышью. Я подняла её за оставшийся хвост и покачала перед лицом.

У меня потекли слюнки. Желудок заурчал от голода.

— Не-е-е-е-ет! — закричала я. Борюсь с этим. Борюсь с внезапным голодом. Борюсь с потрясающим ароматом мышиноного тела. — Не-е-е-е-ет!

Я швырнула мышь через комнату. Она ударилась об стену и упала на пол. Я заставила себя от неё отвернуться.

Я побежала назад в инкубаторную и поставила ящера в аквариум. Он не очень был рад туда вернуться. Он начал метаться от одного конца к другому, опустив голову и не спуская с меня своих жёлтых глаз.

Я аккуратно вернула на место крышку аквариума. И с облегчением выдохнула. Но долго радоваться не пришлось.

В воздухе пронеслась вспышка света. Красно-синяя, словно пламя. Я не успела пригнуться. И закричать.

Злобно крича, на меня накинулся ара. Он сел мне на голову и начал царапать своими когтями. Хлопая крыльями и крича, он бился и царапался.

Я кричала от боли, пока он впивался в волосы. Я пыталась его смахнуть.

Я нагибалась, крутилась и выгибалась. Но он крепко ухватился и продолжал бить своим заострённым клювом.

— Я не ящерица! — закричала я. Должно быть, я сошла с ума. Я правда надеялась, что птица меня поймёт?

Я сжала руки над головой, пытаюсь защититься от ужасных ударов. Ничего не разбирая, я врезалась в стол.

— Отцепись! Отцепись от меня!

Я засунула руку в мешок с мёртвыми сверчками. И бросила на пол пригоршню сухих, тощих жуков.

Ара пронзительно крикнул. От его крыльев я почувствовала ветерок. Его когти ослабили свою хватку.

— Да-а-а! — крикнула я, когда птица от меня отстала и бросилась к сверчкам на полу.

Тяжело дыша, я развернулась и вышла из комнаты неуверенной походкой, захлопнув за собой дверь.

Руками я попыталась пригладить волосы. От клюва и когтей птицы голова пульсировала болью.

— Мне... Мне нужна помощь, — я помчалась в мою комнату. Я попыталась позвонить обоим родителям. Но оба звонка переключились на голосовую почту.

Я написала им смс. Попросила срочно позвонить мне, как только смогут. Я написала, что мне очень нужна помощь.

Из комнаты Фредди доносились звуки музыки. Я подумала, что лучше мне держаться от него подальше. Я не хочу напугать его ещё больше.

Я неуклюже разлеглась на кровати, закрыв руками лицо. Мне хотелось забраться под одеяло и никогда не выходить.

Папа хочет открыть ферму с ящерицами. И его собственная дочь будет одной из них.

Я представила себя в витрине. Как мечусь по клетке на четвереньках. Загораю на камне под солнышком. Стреляю языком в мух. На меня пялятся толпы людей. Бросают мне насекомых, попкорн, кусочки салата и хлебные корки.

Я встала с содроганием.

Я знала, что не могу просто лежать в постели с пугающими мыслями. Мне нужно было что-то делать. Нужно было как-то отвлечься, пока не вернётся мама или папа.

— О, погодите-ка, — пробормотала я. Тут я вспомнила идею Адель для школьного проекта. Она понравилась мисс Арнольд. В чём же она заключалась?

Детские фотографии.

Мы должны были принести детские фотографии для школьного онлайн-альбома.

Я сползла с кровати и поднялась на ноги. Я подняла руки над головой, растягивая спину. Да. Хорошо, Проект. Мне нужен был проект, чтобы отвлечься от проблем.

Я спустилась вниз. Я подумала, где мама с папой могут хранить семейные альбомы. Я знала, что им не нравится хранить фотографии онлайн. Они печатали все фотографии и хранили их в альбомах.

Но где эти альбомы?

Разве в большинстве семей альбомы не находятся на видных местах, где их могут посмотреть остальные? Разве семьям не нравится вспоминать прошлое и просматривать старые фотографии?

Где мои родители хранят альбомы?

Я прошла по коридору и прокралась в спальню родителей. В комнате пахло мамиными сладкими, цветочными духами. Шторы были задернуты, и в комнате было темно. Я включила свет.

Кровать была заправлена. Всё стояло на своих местах. Было очевидно, что мамы уже несколько дней не было дома. В углу её стола были аккуратно сложены бумаги. Маленький диванчик, обычно забитый книгами и журналами, пустовал.

Я подошла к высокому книжному шкафу у дальней стены. Он был набит книгами, в основном романами и триллерами в твердых переплётах. Нигде не было фотографий в рамках. Не было и альбомов.

Я осмотрела комнату. Где же они?

Я вспомнила, что комнатой хранения у нас была комната через две от спальни родителей. Там вдоль стен стояли высокие книжные шкафы от пола до потолка. И ещё там был обычный шкаф с горой книг и всяким хламом.

У моих родителей было две или три таких комнат хранения. В старом доме было больше комнат, чем было нужно нашей семье. Папа всё обещал, что сделает в них ремонт, но он знал, что это никогда не произойдёт.

Тусклый свет пробивался в комнату хранения из высокого окна, а в воздухе стояло облако пыли. Чтобы лучше видеть, я включила телефон и направила свет на ряды книг на полках.

Никакого фотоальбома и в помине нет.

Наконец-то я нашла пару альбомов, воткнутых далеко в шкаф. Их спрятали за хоккейной формой колледжа моего папы и кучей порванных и грязных полотенец.

Я взяла оба альбома и пошла с ними в спальню родителей. Их обложки потрескались и покрылись слоем пыли, от которого я пару раз чихнула.

Я кинула их на кровать и села рядом. Я положила на колени тот, что выглядел старше, и начала листать. Фотографии были жёлтые и выцветшие.

Я переворачивала страницу за страницей. Я не узнавала никого в альбоме, даже родителей.

Я уже собиралась отложить этот альбом и взять другой — когда моё внимание привлекла одна страница. Я прочитала подпись под фотографией и от удивления задержала дыхание.

А потом чей-то голос крикнул:

— Что ты здесь делаешь?

В двери стоял Фредди и глядел на меня.

— Фотоальбомы, — сказала я. — Я нашла их. — Я поманила его обеими руками. — Фредди, подойди.

Он вошёл в комнату.

— Ты снова меня укусишь?

— Нет. Прости, — сказала я. — Я просто разозлилась. Я... Мне нехорошо.

Он прищурился. Замешкался.

— Ничего, — сказала я. Я похлопала по покрывалу. — Садись. Скорее.

Впервые он послушался. Он плюхнулся рядом на край кровати.

— Смотри, — сказала я, показывая моим заострённым пальцем на фотографию. — Это странно или нет?

Мы оба склонили наши головы и пристально вглядывались в альбом.

Наверху первой страницы синими чернилами было моё имя: КЕЙТ.

И дальше, под первым фото, кто-то написал: Почти здесь.

И на фото было изображено ЯЙЦО.

Под следующим фото кто-то написал синей ручкой: «Не могу дождаться, когда увижу свою малышку».

На этом фото было то же самое яйцо.

Я перевернула страницу. Мы вдвоём смотрели на следующую пачку фотографий. Никто не проронил ни слова.

Наверху этой страницы было имя Фредди. Здесь было четыре фотографии. Это были фотографии яиц.

По моей спине пробежал холодок. Мои руки вспотели. Мне хотелось захлопнуть альбом, но я не могла прекратить пялиться на яйца на этой странице.

— Ч-что это значит? — начал заикаться Фредди. Он вскочил на ноги, на его лице замерло недоумение. — Это что, шутка такая?

— Не думаю, — сказала я тихо. — Не думаю, что это шутка. Но я не знаю, что это значит.

Дрожащими руками я закрыла альбом. Мой мозг лихорадочно работал. Я пыталась придумать объяснение. Но я не могла ничегошеньки выдумать.

— Мы должны показать это маме с папой, — сказал Фредди. — Мы должны у них спросить...

Прежде чем он закончил, за дверью в коридоре послышался громкий стук. От звука я вскочила на ноги.

И ещё один стук, от которого, казалось, затрясся пол.

Прежде чем мы с Фредди успели пошевелиться, огромное существо ворвалось в комнату. Оно высунуло свой язык в нашу сторону. Ящер. Гигантский ящер стоял как человек.

Он стоял в двери, заслоня весь свет из коридора. Он переводил свои жёлтые глаза, яркие, словно фары, с меня на Фредди. Он снова высунул язык и щёлкнул огромной пастью.

И я закричала, когда он бросился к нам, вытянул чешуйчатые зелёные пальцы и схватил меня за плечи.

Я снова закричала.

Фредди рванул вперёд и толкнул ящера в сторону. Но он был недостаточно силён, чтобы сдвинуть ящера с места.

Существо устрашающе тяжело дышало. Его язык, липкий и тёплый, облизнул мне лицо. Он крепко держал меня когтями за плечи.

Фредди снова попытался его оттолкнуть, напирая всем телом. Но огромный, тяжело дышащий ящер был слишком крупный и сильный. Фредди обхватил ящера за туловище и...

И...

Ящер поднял голову, открыл рот и что было сил чихнул.

Пока я изумлённо на него глядела, дрожа от страха, его когти ослабили хватку. Он неуклюже отошёл назад. И снова чихнул.

Зелёная слизь из его носа обрызгала стену.

Существо снова чихнуло. Снова. Комната содрогалась от каждого резкого извержения.

— Чихает, как папа, — выдавил Фредди.

И да, чихая, ящер начал изменяться. Я в шоке наблюдала, как меняется его тело.

Я видела, как втянулись его когти. Морда превратилась в лицо.

Ещё чихнул. И ещё больше соплей размазалось по обоям.

Лицо ящера исчезло. Жёлтые глаза стали чёрными. Пока исчезала чешуйчатая кожа, я заметила под ней человеческую одежду. Штаны цвета хаки и полосатую рубашку.

И передо мной стоял папа.

Чихал последний раз.

Папа, убирая одной рукой волосы с лица. Поправляя рубашку. На лбу капельки пота.

Папа покачал головой:

— Мне так жаль, — сказал он. — Очень жаль. Я не хотел вас напугать.

Мы с Фредди были слишком ошарашены, чтобы пошевелиться. Мы просто таращились на него с открытыми ртами.

Папа сделал пару глубоких вдохов.

— Простите. Простите, — повторил он. — Я вижу, вы нашли фото альбомы. Мне так жаль. Мы с мамой ждали подходящего момента, чтобы рассказать вам, — сказал он.

Фредди прищурился.

— Рассказать нам?

Папа кивнул.

— Да. Рассказать вам, что вас не рожали — вы вылупились.

Папа отодвинул альбомы в сторону, и мы втроём сели на край кровати.

— Хотел бы я, чтобы ваша мама была здесь, — сказал он, тряся головой. — Она хотела быть рядом, когда настанет время рассказать вам правду о нашей семье.

— Так почему же она до сих пор в Шейкер Хайтс? — спросила я.

Он кивнул.

— Она помогает вашей тёте с вылуплением нового ребёнка.

— Вылуплением нового ребёнка? Папа, что здесь происходит? Я ничего не понимаю, — сказала я. Отрицая, я покачала головой. — Это ты был той огромной ящерицей в лаборатории? Стоял у стола? Это был ты? А затем ты превратился обратно?

Папа кивнул. Он положил руку мне на плечо.

— Да, это был я. Наша семья не такая, как другие, — сказал он мягко.

— Мы не люди? Мы ящерицы? — крикнул Фредди.

— Ну... мы вроде как и то, и другое, — сказал папа.

И он повернулся ко мне.

— Прости, что притворялся, будто не знаю, о чём ты говоришь. Мне нужно было уехать в Торонто, и я знал, что не было времени всё объяснять.

Внезапно во мне вскипела злость. Папа должен был объяснить. Ему не стоило сбежать в Канаду, не сказав ни слова.

— Позволь объяснить сейчас, — сказал он. — Во-первых, когда та тасманийская очковая ящерица тебя укусила, Кейт... Тот укус тебе совсем не навредил.

— Он... он начал превращать меня в ящерицу, — начала заикаться я.

Папа покачал головой.

— Нет, не начал. Укус ничего не делал, потому что ты уже ящерица. Все мы... Вся наша семья состоит из оборотней-ящериц, Кейт. Мы превращаемся из людей в ящериц и обратно.

— Но... но... — забормотала я. — Фредди не ведёт себя как ящерица. И я не вела до прошлой недели.

— Ваша личность ящерицы просыпается в двенадцать-тринадцать лет, — объяснил папа. — Фредди ещё слишком мал.

Внезапно Фредди побледнел.

— Но я стану ящером через пару лет?

Папа захихикал.

— Не волнуйся ты так. Вы оба быстро научитесь контролировать желания ящериц. Вы сможете оставаться в человеческом обличье почти всё время, как и я.

— Мы можем это контролировать? — спросила я.

— Да. Вам нужно набраться опыта, — ответил папа. — Но вы научитесь, как контролировать превращение.

Папа открыл фотоальбом и уставился на фотографии яиц. На его лице расплылась улыбка.

— Вы были такими милыми детками.

— Ты поэтому хотел ферму ящериц? — спросил Фредди. — Вы с мамой поэтому так интересуетесь ящерицами?

— Да, сказал папа, не отрываясь от фотографий. — Ящерицы — наши предки и родственники. Мне всегда хотелось узнать, как такое произошло с нашей семьёй.

Я тяжело, грустно вздохнула.

— Мне тяжело всё это понять, — сказала я. — Я... Я очень расстроена... и...

— Послушай меня, — сказал папа, сжимая мою руку. — Ты будешь в порядке. Ты сможешь это контролировать. Люди не смогут узнать. Никто не знает о нас с мамой. Никто. Кейт, никто не узнает, что у тебя в семье ящерицы.

Я снова тяжело, безнадежно вздохнула.

— Неправда, пап, — сказала я, пропадающим голосом. —

Неправда. Мне не будет жизни. Я не могу вернуться в школу. Я... Я не могу никуда пойти.

Всхлипы вырвались из моей груди.

— Все узнают, — заныла я. — У меня не будет друзей, никакой жизни. Я буду настоящим изгоем. Одиночкой. Навсегда.

Папа снова сжал мои руки.

— Прекрати, — прошептал он. — Кейт, не говори так. Зачем ты такое говоришь?

— Из-за Адель! — крикнула я, и мой голос снова сорвался. — Адель Бендер из школы. Помнишь? Она была у нас.

— Причём здесь она? — сказал папа.

— У неё есть видео, как я ползаю по залу в школе после занятий. На нём я веду себя как ящерица, папа. Адель сказала, что собирается загрузить его на YouTube, чтобы все увидели.

— Дыши, Кейт, — сказал папа. — Ты вся дрожишь.

Я глубоко вдохнула и задержала воздух. Но, конечно же, это совсем меня не успокоило.

— Папа, она думает, что пока у неё есть это видео, она может заставить меня делать всё, чего она пожелает. Будто я её раб или вроде того. Я... Я не буду в безопасности, пока у неё это видео. Никогда.

Папа положил свои руки мне на плечи.

— Тише, — прошептал он. — Тише.

Я ещё раз глубоко вдохнула. Я видела, что папа о чём-то думает.

— Думаю, я могу решить твою проблему с Адель, Кейт, — наконец сказал он. — Думаю, я с лёгкостью её решу.

— Что? — моргнула я. — Серьёзно? Как?

— Пригласи Адель в гости, — сказал папа.

Я взглянула на него с подозрением.

— Что? Пригласить её? Я так не думаю.

На папином лице появилась усмешка.

— Пригласи её сегодня, Кейт. — Его глаза блеснули. — Ты разве забыла, что мы плотоядные?

— Ох, отвратительно, — простонал Фредди.

Он понял, о чём говорит папа, раньше, чем я.

Когда до меня наконец дошло, я рассмеялась. Потом мы с папой превратились в ящериц. Мы клацнули зубами и в восторге высунули языки.

* * *

Адель пришла чуть позже пяти. Я встретила её у двери.

— Кейт, ты хотела поговорить? — сказала она.

— Да. Заходи, — я отошла в сторону, чтобы она могла пройти в дом.

Она принюхалась и улыбнулась.

— М-м-м. Чем это так вкусно пахнет?

— Папа готовит особый соус, — сказала я.

Её улыбка тут же увяла.

— Кажется, ты хочешь поговорить о том видео?

Я кивнула.

— Да. Заходи, Адель. Снимай пальто.

Она нахмурилась.

— Зачем? Разговор займёт много времени?

— Ну... — сказала я. — Мы с папой надеялись, что ты останешься на ужин.

Съели ли мы Адель на ужин?

Это было бы крутое завершение моей истории, правда?

И это наверняка решило бы мою проблему с тем видео.

Но, честно говоря, нам не пришлось её есть.

Мы с папой превратились в ящериц. Адель сильно испугалась. И когда мы заманили её к большой кастрюле с кипящим томатным соусом и щёлкнули зубами, она всё уяснила.

Победа была наша. Адель дрожала, и тряслась, и заикалась, и потела. Она умоляла нас, сложив у груди ладонки, чтобы мы вычеркнули её из меню.

Наверное, запах соуса больше не казался ей таким вкусным. Она перепугалась так, что готова была сделать всё, что мы попросим. Она достала телефон и удалила видео у нас на глазах.

Мы с папой снова превратились в людей. Адель до сих пор дрожала. Было легко заставить её поклясться, что она никогда никому о нас не расскажет.

Поэтому мы её отпустили.

— Простите, я не могу остаться на ужин, — сказала она. В этой ситуации она сказала бы что угодно. Я никогда прежде не видела, чтобы из дома убегали так быстро.

— Увидимся в школе! — закричала я ей вслед.

Я знала, что мы с Адель никогда не будем подругами. Но зато теперь мы друг друга понимали.

Когда я вернулась на кухню к папе, единственным неразрешённым вопросом был наш обед. И тут мы как раз увидели двух жирных мышей, шмыгнувших под дверь кладовой.